

ПРОКЛЯТЬЕ

Д Ж Е К Г Е Л Ь Б

ЖЕВОДАНА

Нет страшнее
зверя,
чем человек

+ БОНУС

18+

Young adult. Ориджиналы

Джек Гельб

Проклятье Жеводана

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гельб Д.

Проклятье Жеводана / Д. Гельб — «Эксмо», 2023 — (Young adult. Ориджиналы)

ISBN 978-5-04-184561-2

Этьен Готье думал, что его пылкий ум и слабое тело предназначены для величайших открытий. Этьен Готье пережил плен и остался целым, когда его чуть не разорвала гиена в Алжире. Этьен Готье построил госпиталь для всех страждущих, чтобы те получили необходимую помощь. Этьен Готье потерял свою любовь. Этьен Готье выпустил Зверя из Жеводана. Зверь из Жеводана, проклятый своим создателем, убил многих невинных. Зверь из Жеводана не успокоится, пока не отомстит роду людскому за то, что он существует.

Сможет ли Этьен укротить свое создание или пасть ему очередной жертвой в когтях чудовища. Долгожданное издание второй книги популярного блогера и фикрайтера Джек Гельб! Ее видео в Tik Tok набирают больше двух миллионов просмотров, а фанатская база растет в геометрической прогрессии. Джек Гельб пишет в жанре альтернативной истории, берясь за описание целого пласта человеческих судеб в разные века. Ее первый роман «Гойда» стартовал с 10 000 экземпляров! «Проклятье Жеводана» повествует о жизни французского аристократа Этьена Готье, который стал создателем знаменитейшего Зверя из Жеводана! Старая французская легенда оживет на страницах романа и наполнится новыми смыслами и интерпретациями жуткой трагедии XVIII века. Обложка для книги нарисована талантливой рукой ALES, известного российского иллюстратора популярных комиксов. Авторский стиль точно передает эстетику темной стороны века Просвещения и заставляет обратить внимание на самые мрачные оттенки нашего сознания.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184561-2

© Гельб Д., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть 1. Nigredo[1]	7
Глава 1.1	7
Глава 1.2	20
Часть 2. Albedo[2]	33
Глава 2.1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джек Гельб

Проклятье Жеводана

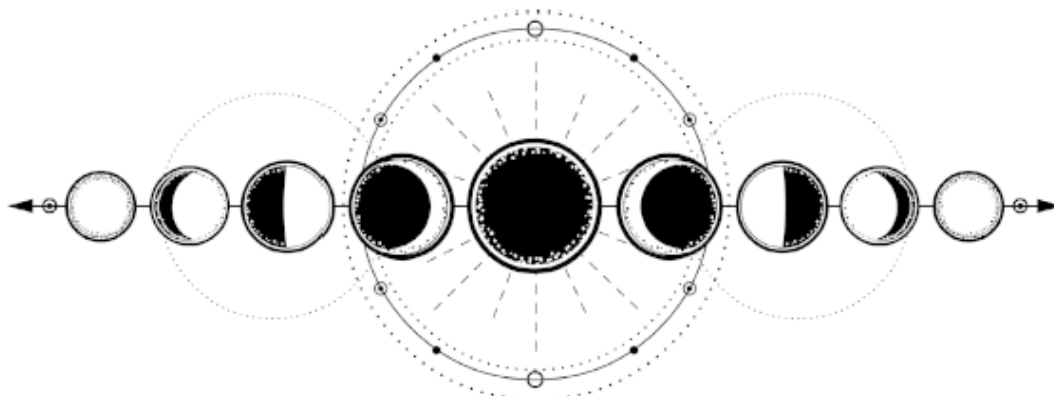
Зверь есть зверь.

© Джек Гельб, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Часть 1. Nigredo¹

Глава 1.1

1751 г.

Близ алжирского порта.

Корабль несли лазурные волны, а наполненные тугие паруса охотно расправили свои тела, подставляя себя ослепительным лучам. У нас другое солнце, и мои северные глаза не были готовы к такой щедрости – они щурились от избытка света. Стоя у самого борта, вглядываясь в белеющий вдалеке берег, я вспоминал рассказы о своих предках, которые когда-то давно бесстрашно пересекали океан, покоряя Новый Свет. Эта жажда, эта погоня за горизонтом текла в моих жилах. Оттого моя кровь закипала сейчас, как закипала два века назад у моих праотцов.

По мере того как корабль продолжал свой ход, от скалы будто бы отделился крутой утес. Наверху росла роща кипарисов, укрывая своей тенью побережье дикой бухты. Та враждебно скалилась крутыми камнями, по которым прыгали и горланили крупные вороны. Птицы выискивали, чем поживиться, пожирая падаль, выброшенную морем.

В нетерпении я рвался углядеть больше, чем мне дано видеть от природы, до боли напрягая глаза.

Город уже стал различим и рассыпался множеством белых домиков с плоскими крышами. Моей радости не было предела, что казалось в общем-то не очень приличным и не сочелось с моим траурным облачением.

Я распустил шнуровку на груди своей рубахи из черного льна, а европейские кальсоны заменил столь расхожими на юге широкими шароварами.

На ноги я надевал мягкие бархатные башмаки, чтобы пройтись, как сейчас, по палубе.

Меня распирала радость от скорого прибытия в чарующий Алжир, и я поспешил спуститься с палубы в каюту.

Мой отец, граф Оноре Готье, сидел с капитаном и пил горький кофе. Они сразу подняли взор. Их разительная непохожесть друг на друга даже заставила улыбнуться. Еще с первого дня мне понравился наш капитан – бронзовый от загара здоровяк с космами жестких усов и бакенбард. В целом капитан был действительно красивым и славным мужчиной, хоть

¹ С латинского буквально «чернота». Алхимический термин, обозначающий полное разложение. Является первым этапом создания философского камня. (Прим. ред.)

его лицо уже получило отметины в виде темных пятен на лице. За все наше знакомство мне не давали покоя эти пятна, однако воспитание и приличия все же брали верх: пришлось удержаться от подробных расспросов о природе их происхождения. Подобная осторожность позволила мне сделаться его хорошим другом. Сейчас лицо капитана, отмеченное столь причудливо, не теряло своего добродушия, и он приветственно взмахнул рукой.

– Скоро уже прибудем, – торжественно произнес капитан, совершенно верно угадывая причину моего визита.

В ответ я радостно улыбнулся и кивнул, будто без моего заверения сейчас было никак не обойтись. Едва я перевел взгляд на отца, то сразу заметил, что он, в отличие от капитана, выглядел довольно изможденным и отнюдь не таким бодрым. Мое воодушевление скорым прибытием несколько остыло, когда я увидел настрой отца. Он напоминал настоящего проповедника. Блуза из темного льна была застегнута наглухо у самого горла, удушливо обхвативши его шею.

Волосы у него, как и у меня, как и у всех Готье, о которых мне довелось знать, были настолько светлы, что не было приметно даже прядей седины, которые уже проступили к его сорока трем годам. Он собирал волосы на затылке в низкий хвост и туго схватывал их бархатной лентой. Наша северная бледная кожа еще до высадки в Алжире перенесла солнечные ожоги. По зеленым глазам я быстро догадался – он в дороге так и не смог толком отдохнуть. Тяжелый взгляд опустился к часам, которые лежали между ним и капитаном. Излюбленная памятная вещь была настолько дорога отцовскому сердцу, что он носил их, несмотря на крупную трещину посередине стекла.

– Ты не спал все это время? – спросил я.

– Выплюсь во дворце месье Шафака. Сходи пока, проведай кузена. Если он не спит, выходите на палубу, – сказал мне отец.

Он закрыл крышку часов и провел рукой по лицу. Коротким кивком я распрощался с ними и поспешил к каюте своего двоюродного брата.

* * *

Моя рука уже занеслась, чтобы постучать, но, видно, порыв ветра заставил корабль качнуться, и дверь сама приотворилась.

Я вошел легко и тихо – мягкая восточная обувь позволяла мне ступать бесшумно, как кошкам, – ни одна доска не скрипнула подо мной. Мой кузен Франсуа крепко спал в гамаке, который покачивался с тихим тугим скрипом.

Франсуа был старше меня на два года – ему было восемнадцать лет. Я уже видел, как кузен спит, свернувшись, будто бы прижимая к сердцу какую-то ценность, которую у него непременно должен кто-то отнять. Темные брови нахмурились. На корабле было довольно душно, так что ничего удивительного в том, что кузен спал с голым торсом, не было. Я даже мог заметить, как там, под кожей, перекачиваются мускулы.

Каждый раз, когда я вижу людей, хорошо сложенных, на ум приходят воспоминания о посещениях анатомических театров. Среди таких же отчаянных маргиналов мира науки я видел достаточно свежаваний. Холодные тела вскрывали прямо на наших глазах, демонстрируя истинное нутро человеческой природы. Возвращаясь с тайных отлучек домой, в поместье, я рисовал по памяти увиденное, чем лучше закреплял эти образы. Теперь мое воображение в точности изображало все то, что скрыто под кожей.

Пока я стоял, скрестив руки на груди и предаваясь раздумьям – будить его или оставить в покое, кузен сам дернулся во сне и бросил на меня быстрый, еще совсем неосознанный взгляд.

– А, Этьен, это ты... – пробормотал Франсуа, потягиваясь и садясь в гамаке, и, чуть коснувшись ногами пола, слегка-слегка покачивался, потирая глаза и ероша свои каштановые кудри.

Подняв на меня зеленые глаза, он последний раз зевнул и мотнул головой.

– Сколько времени? – спросил Франсуа.

Я порядком успел заскучать за плавание. Беспощадно одинаковый горизонт, к какому борту ни подойди, довольно скверно сказался на мне и на восприятии того самого времени, о котором справлялся кузен.

Не будь он таким сонным и потерянным после недавнего пробуждения: кто знает? Быть может, я бы и задался вопросом о ходе времени, о том, как его восприятие смещается. Однако все же я отдавал себе отчет о состоянии своего спутника и понимал, что за такую тираду, которая у меня уже давно бьется запертым зверем, я в лучшем случае просто потеряю собеседника. Так что я попросту усмехнулся и пожал плечами.

– Город уже виден с корабля, – радостно сообщил я, обойдя сам вопрос, но не его суть.

Кузен резко перевел на меня взгляд, и его глаза широко раскрылись.

– Да? – оживился он и вновь сел в гамаке.

Я закивал, и Франсуа, встав на ноги, быстро накинул рубашку на шнуровке, распушенную, как и у меня.

Корабль уже миновал приглянувшийся мне дикий утес и уверенно шел к порту.

– Как граф Готье? – спросил Франсуа, опираясь о борт, заглядываясь на светлеющий вдалеке город.

Я пожал плечами.

– С каких пор ты так называешь родного дядю? – спросил я.

Франсуа свел брови, глядя на меня, а я сделал вид, что не понимаю причину его внезапного смущения.

– Он с тобой не говорил? О тете Арабель? – спросил кузен.

Меньше всего на свете я хотел не то что говорить, но даже вспоминать о покойной тете Арабель. Моей силы воли не хватало, чтобы сдержать мурашки, которые выступали на моей коже от одного только воспоминания об этой женщине, с которой я имел несчастье быть в родственной связи.

Невольно обхватив себя поперек туловища, я глубоко вдохнул морской воздух, несущийся буйными ветрами со всех сторон. Это чуть помогло совладать с воспоминаниями об этой Арабель.

– Упокой Господь ее душу, – произнес я, перекрестившись, как полагается католику, и помотал головой, как будто бы не был в курсе ни о каких секретах своего кузена.

Франсуа поджал губы, явно не желая продолжать этот разговор без моего отца.

А меж тем на корабле началась суета, лучше всего предвещающая скорое прибытие в порт. Матросы шныряли из стороны в сторону, грязно ругаясь, каждый по-своему, но понимая товарища по команде.

Франсуа, будучи крепким юношей с пылким сердцем, исполнился вполне себе своевременным, но неприличным порывом для своего положения. А именно – он уже вознамерился помочь матросам, которые тянули на себя тугие скрипучие тросы, но я пресек этот порыв, положив руку на плечо кузену.

– Не стоит им мешать, братец, – произнес я.

– Мешать? – усмехнулся кузен, хотя смирился с моей правотой, пусть и не целиком ее признавая.

– Этьен прав, – кивнул отец. – Не стоит утруждать себя. Побереги силы, у нас будет много дел в городе.

Франсуа вздохнул, встряхнул плечами и продолжал смотреть за потугами матросов.

Вскоре корабль уже причалил. Не успели мы сойти, как пряный запах, разносимый резвыми ветрами, забил мне нос и волшебным дурманом ударил мне в голову.

Усталость, настигшая меня намного меньше, нежели моих спутников, в миг отступила, когда я сошел на сушу и огляделся по сторонам.

Глаза разбегались от чарующей картины, разворачивающейся прямо передо мной. Солнце уже лениво тянулось к горизонту, и тени становились длиннее.

Плеск волн в вечеряющем солнце разливался певучим золотом, и этот звон смешивался с местным гулким наречием.

Нас встретили с десятков слуг из местных, чей внешний облик так сильно различался от европейцев, что вверг меня в шок. Их темная кожа лоснилась в янтарных ласках вечеряющего солнца.

Алжирцы вели на привязи трех ослов. На животных быстро погрузили тяжелые баулы, туго схваченные широкими ремнями.

Своими невероятными тягучими голосами местные подгоняли ослов, которые попросту стали посреди оживленной набережной. Погонщики быстро совладали с длинноухими упрямыми, и вскоре мы двинулись по пыльной дороге вверх.

Я глядел на местный народ, на их одеяния, что струились по длинным черным рукам, в которых они держали плетеные корзины или расписную глиняную посуду. В их ношах, что местные несли сами или водружали на ослов, все плескалось, звенело и глухо гремело.

Меня обуял ненасытный голод, неутолимая жажда ощущений, которые не проходили, а лишь усиливались по мере того, как я заглядывался на каждый жест смуглых рук, что были длиннее, нежели у людей на родине. Стоило мне посмотреть в черные влажные глаза, ответом мне были равнодушие, вражда или взаимный интерес.

Моя зачарованность украдкой притупила всякую бдительность и сыграла со мной дурную шутку: я не заметил черного араба, который суматошно несясь прямо на меня. Едва ли он придал хоть какое-то значение, задевая буквально каждого во всей этой единой пестрой толпе, но я едва не повалился с ног. Благо мой любезный кузен очень вовремя подоспел.

– Не отставай, Этьен! – раздавался беспокойный окрик отца, чей голос сейчас тонул, бледнел и будто бы растерял любую силу в здешнем дрожащем от угасающего зноя воздухе.

– Не отстаю! – отозвался я, потирая плечо и стараясь держаться своих, что было для меня вовсе нетрудно.

Хоть сердце мое уже начало тревожно колотиться, никак не радуясь беготне сквозь толпу, сейчас выбора особо и не было. Собрав волю в кулак, я продолжил проходить это тяжелое восхождение, обильно обливаясь потом.

Мы пробирались по пыльному городу, полному чарующего дурмана и манящих южных напевов. Я прекрасно знал, что ни один из этих звучных окликов не обращается ко мне, и все же каждый раз мне слышалось, будто бы какой-то алжирец звал меня по имени.

Какому-то неведомому и бесконечно подлому демону удавалось обмануть мой уставший разум снова и снова. В висках гудело от тяжелой дороги и духоты, и мои ребра едва-едва шевелились, как будто придавленные тяжелой плитой.

Наконец мы пришли к белокаменному забору с большими воротами. Несмотря на недомогание, я отдал должное этим стенам, и в особенности четырем нишам с остроконечными арками. Внутри каждой рябили рисунки из причудливых орнаментов, выложенных мозаикой. Ворота со скрипом двинулись, подбирая под собой иссушенную пыль, и перед нами предстала зеленеющая кипарисовая роща.

Прохладная тень стала истинной панацеей для нас, ну, во всяком случае, для меня так точно. Я уже предвкушал, как моя северная кожа обратится сухой змеиной чешуей, которую можно отслаивать прямо руками, – и ждать, судя по ощущениям, оставалось недолго. С пред-

вкушением расплаты за посягательство на проклятое золото коварного восточного солнца, я смотрел сквозь ветки деревьев, любуясь урывками лазурного неба.

Тенистая роща милосердно берегла нас, пока мы совершали свой путь до белого каменного дворца. Здесь царил одурманивающий аромат трав, такой богатый и изысканный, и такой неведомый, что он кружил мою раскаляющуюся от зноя голову.

Великолепное здание выросло предо мной, гордо вознося свои резные украшения вокруг входа, в то время как высокие стены стояли будто бы равнодушно. Лучи уходящего солнца косо скользили по неровным стенам.

Слуги проводили нас до покоев, где находились кувшин с чистой холодной водой, тарелка пряностей и чистая одежда. Я охотно умыл лицо от пыли. Прохлада приятно коснулась моих пылающих щек. Переводя дыхание, я рухнул на постель, застеленную пестрым покрывалом, в ткани которого сплетались темно-бордовые и белоснежные нити.

Стены были выложены мелкой плиткой, затем шла белая стена с утопленными в нее нишами, а на сводчатом потолке пестрила россыпь мелкой мозаики.

Я лежал на спине, переживая то потрясение, которое на меня произвел Алжир. Перед глазами проносились кирпично-красные деревянные двери, на пороге которых сидели чернокожие мужчины, выглядывая из-под пестрых тюрбанов своими черными глазами.

Коснувшись своего лба, я не на шутку обеспокоился, нет ли у меня жара, зная за собой особую склонность болеть в самое неподходящее время.

Сев в кровати, я на всякий случай вновь умылся прохладной водой из тяжелого кувшина. К моему собственному удивлению, я почувствовал себя намного лучше, хотя, может, я просто обманывал себя.

Уже более спокойным взором я обвел свою комнату, и приятным сюрпризом для меня оказался выход на балкон с тенистым навесом. Только-только унявшееся воодушевление вновь вспыхнуло в моем сердце, и я вышел осмотреться.

Следующим приятным сюрпризом было то, что этим чудесным балконом соединились наши с Франсуа комнаты. Не преминув воспользоваться случаем, я зашел к кузену и уже хотел было подкрасться к нему со спины, как моя задумка не увенчалась успехом.

Меня выдал серебряный кувшин, стоявший напротив Франсуа. Кузен почти сразу же обернулся, завидев, хоть и искривленное, но вполне ясное отражение.

– На этот раз не вышло, – довольно заявил он.

Я пожал плечами и в качестве награды и утешения за проваленную засаду стянул горсть пряных засахаренных драже. Они стояли на низком столике в расписной эмалевой миске.

– В следующий раз, значит, – ответил я, пожав плечами, хрустя сахаром, который мягко таял на моих зубах.

– Дядя Оноре сказал, что до вечера мы предоставлены сами себе, – сказал Франсуа.

– А вечером? – удивился я.

– А вечером он представит нас месье Шафаку, – ответил кузен. – У тебя снова взгляд, как будто бы ты пьян, но я знаю, что это не так. Но все же, братец, ты не забыл, что прибыли мы сюда по делу?

Я внимательно слушал, хотя, наверное, по мне нельзя было сказать, так как я грыз драже за драже, блуждая взглядом по комнате. Прямой вопрос заставил меня кивнуть, все же дав хоть какой-то ответ.

– Разумеется, серьезный разговор, как будто отец ведет иные? – пожал я плечами.

– И он хочет, чтобы мы оба присутствовали при этом разговоре, – как будто бы было необходимо об этом напомнить, произнес Франсуа.

– Столько слышал от отца про этого месье Шафака... – потянувшись, произнес я, прохаживаясь по комнате кузена и пытаясь определить, кому из нас все же выделили покои попросторнее. – Ты думаешь, он к этому причастен?

Кузен вскинул брови и бросил взгляд на приотворенную дверь. Вполне благоразумно опасаясь лишних ушей, Франсуа прикрыл ее, догадываясь, к чему я клоню.

– К исчезновениям наших людей? Да, вполне, – кивнул Франсуа, говоря четко и уверенно, хоть и понизив голос.

Самодовольно пожав плечами, я лишь удостоверился в собственной догадке, и мне было приятно слышать, что мы с кузеном одного мнения.

– Неужели ему выгодно ссориться с людьми, вроде моего отца? – Я прошелся по комнате, направляясь к тому злосчастному кувшину, отражение в котором меня выдало.

– Скорее всего, он нашел более щедрого покровителя, – ответил кузен.

– И менее белого, – добавил я, касаясь кончиками пальцев холодного металла. – Знаешь, а тогда ведь совсем скверная картинка складывается.

Я слегка постучал ногтями по кувшину, и он отозвался сладким распевным звоном.

Франсуа перевел на меня взгляд.

– Тогда выходит, этот месье Шафак в лучшем случае смотрит сквозь пальцы на эти исчезновения, – протянул я. – А в худшем...

– Ты ужасного мнения о людях, братец, – вздохнул Франсуа.

Я пожал плечами, не имея что возразить.

* * *

Очень скоро терновый венец мигрени ослаб и спал, и я ощутил долгожданную свободу. Новый прилив сил благотворно прояснил рассудок и оживил притупленные чувства. Первым делом, как и подобает пылкому уму исследователя, пробудилась жажда познания.

Было решено провести остаток длинного дня в изучении волшебного дворца, который столь радушно нас принял в качестве гостей.

Внутреннее убранство поражало, пленило с впечатляющим размахом и щедростью. Мы проходили вдоль арок, выложенных мелкой мозаикой. Их хитрые узоры обманывали мое зрение до такой степени, что отпечаток их, извратив все цвета и переменившись на противоположный, стоял пред моим взором, даже если я смотрел на белоснежную стену или пустой потолок.

Пекло остыло, и меня манил свежий воздух, который присущ жарким приморским городам: мягкий и ласковый. Если я закрывал глаза и вспоминал Марсель, в котором часто бывал, терпкие ароматы быстро уверяли меня, что мы на коварном востоке, вдали от родины, и глаза стоит держать открытыми.

Душистые ароматы расплывались незримым облаком, крадясь в прохладных сгущающихся тенях. Прогуливаясь по крытым балкончикам, мы с Франсуа зашли во внутренний сад с алжирскими пихтами и раскидистыми оливковыми деревьями. Сам дворец окружал нас по периметру и состоял из четырех ярусов, которые стояли друг на друге ровными арками. Перила и перегородки, умело вырезанные из дерева, вились искусными решетками. Белые арки окрашивались в бледно-розовый цвет вечеряющего солнца, а над каждой капителью колонн тянулась полоса яркой плитки. Нежное благоухание доносилось с тихим ветерком, который трепал гибкие ветви с узкими сочными листьями.

Рядом со мной сидел Франсуа и чиркал в своем альбоме твердым карандашом. Лишь краем глаза я заметил пару набросков раскидистых оливковых деревьев, что стояли чуть поодаль от нас.

Изначально мы хотели лишь пройтись по саду, но жара уже спала, и мы нашли большее удовольствие, находясь здесь, на свежем воздухе.

– Как думаешь, нам разрешат и тут постелить под открытым небом? – спросил я.

– Думаю, это будет не совсем вежливо, – отозвался Франсуа. – Месье Шафак приготовил для нас прекрасные покои, но в первый же день мы просим гамаки, чтобы ночевать под звездами. Как-то некрасиво получается, не находишь? Я сам отнюдь не против самой затеи и при других бы обстоятельствах попросту не стал бы ждать никакого дозволения – взяли бы сами и натянули гамаки, делов-то?

Я улыбнулся, предаваясь приятным воспоминаниям о наших ночевках на тенистых опушках леса. Кроны ласковым шелестом скрывали наши с кузеном беседы. Сейчас оливковые деревья и кипарисы отнюдь не спешили заглушить наши разговоры. Кажется, деревья напротив притаились, слушая гостей с далекого севера.

– Ты смог бы тут остаться жить? – спросил я кузена.

– Мы едва приехали, – ответил он и пожал плечами.

Альбомный лист перевернулся с сухим шелестом, каким наполняются леса нашей родной Франции поздней осенью.

– А ты бы хотел? – спросил кузен, поднимаясь в полный рост и пересаживаясь на другое место, на этот раз обращая свой взор на низкие кусты с маленькими благоухающими бело-снежными розами.

– Я же тебя не об этом спрашивал... – вздохнул я, закатывая глаза.

– Вот как? – спросил Франсуа.

Чирканье карандаша по бумаге не стихало.

– Мой вопрос был не о твоем желании, – протянул я. – Смог бы ты жить здесь? Про себя думаю, что вряд ли. Хотя бы по вине этого беспощадного солнца. Не люблю состязаться, но я, кажется, обгорел сильнее вас обоих.

Я коснулся своих щек и лишний раз убедился, что Алжир в самом деле принял меня и беспощадно заклеил, и, скорее всего, этим вечером я буду походить на ящерицу во время линьки.

– Я думал, – произнес кузен, – тебе нравится город. Ты так заворуженно пялился на местных, на эти улочки, и едва ли проходил мимо миски со здешним угощением, чтобы не стянуть неведомое лакомство и сразу же пробовал его на вкус. В целом Алжир вполне в твоем духе, разве я не прав?

На моих губах сама собой занялась мягкая улыбка, и я чуть заметно кивнул.

– Мне нравится Алжир, но боюсь, он мне не по зубам, – произнес я, на самом деле польстившись на внимание кузена.

Не знаю, что мне понравилось больше: сама фраза, которая так легко и к месту сорвалась с моих губ или тихое бормотание кузена, которое сошло вместе со вздохом, вроде «О боже мой...» или что-то в этом духе – пересмешка оливковой рожицы не дала мне расслышать как следует.

– Только таким соперникам и стоит бросать вызов, как говорит профессор Алье, – произнес кузен. – Иначе...

– ...какой вкус от победы над слабейшим? – закончил я.

Мы с Франсуа усмехнулись, и повисла тишина, шелестящая тихим вечерним ветерком.

– А ты хотел бы умереть здесь? – спросил я, краем глаза поглядывая на кузена.

– Боже, – глухо усмехнулся Франсуа, отложив рисование. – Ты позер, Этьен.

Я пожал плечами.

– Вы все задумываетесь о красивой смерти, когда уже поздно, – продолжил я. – Когда вы уже скучный обрюзгший старик, окруженный сердобольными сиделками. Уже слишком поздно, время истекло, и шанс уйти красиво выпадает лишь раз, и то не всем. Я презираю осторожность, которая губит вкус жизни. Нет, Франс, не смотри на меня так! Я совершенно серьезно! Именно смерть и дает нам вкус жизни. Уходить надо на высокой ноте. Клеймите меня безумцем или романтиком, если вам так угодно. Я не мог бы жить здесь – ласковый запах

чарующих дурманов и пряностей лишь усыпляет, прежде чем Алжир покажет свои клыки. Нет, я точно не смог бы здесь жить, но с удовольствием умер бы тут.

– По-моему, ты перегрелся, Этьен, – вздохнул Франсуа.

Я презрительно прищурился, что отдалось неприятной болью на моем обгоревшем лице, и отмахнулся.

– Ну, если отбросить поэзию, мы толком не видели город, а завтра отец точно заставит нас заниматься его делами, и там уже празднично не послоняешься, – произнес я и решительно встал в полный рост, о чем скоро пожалел.

Чернота заволокла мне глаза, и понадобилась пара мгновений, чтобы прийти в себя.

– По дороге сюда я видел рынок, чуть выше от порта, – наконец, очнувшись от мрачного плена, произнес я.

* * *

На пыльных душных улицах, окутанных пряными благовониями и морскими жаркими ветрами, царил стихийная суета. Такого я не видел ни до, ни после. Толпа была не просто единым существом, она вобрала в себя всю пестроту нарядов, многоголосие окриков и зазываний, тысячи лиц, лоснящихся от влаги в вечеряющем янтарном солнце. Смуглые руки алжирцев пересчитывали брошенные на прилавок монеты, и благородный коварный металл пел манящим перезвоном. Слышалась речь, чем-то напоминающая наш родной французский, но притом здешний акцент звучал намного громче, так что ни я, ни кузен не могли разобрать ни слова.

Я сидел на каменных ступенях и облизывал большой палец, который я порезал, желая проверить добросовестность заточки сабли. Франсуа воротился от прилавка, знатно закупившись розовым маслом. Такого глубокого и величественного благоухания не слышали у нас дома. Насыщенный аромат дамасской розы неторопливо и мягко стелился в этом удушливом вечернем воздухе. Неспешно и царственно плыл он по воздуху, стелился и ублажал горячий рассудок. Пленительное очарование еще долго не рассеивалось, даже когда я закрыл стеклянный флакон и отдал кузену, пряный шлейф был добрым спутником, покуда мы брели дальше, вглубь рынка.

Ароматы спелых фруктов расцветали, когда мы приближались к лавочникам с маслянисто лоснящимися смуглыми лицами, и отступали, стоило нам продолжить свой путь. Зачарованный великолепием, я не глядел даже, куда ведет меня Франсуа, и очнулся от грез, лишь когда запахи масел, фруктов и цветов иссякли и перебились откровенной вонью. Я поморщился от этого гнусного смрада, который удушливо воцарился в этом месте. Перед нами развернулся мясной ряд.

Мы переглянулись с кузеном и, не обмолвившись ни словом, зареклись покупать здесь хоть что-то. Мухи гудели, садясь на разделанные туши и потроха. Сочившийся сок, смешанный с кровью, густыми липкими каплями проникал сквозь доски и ящички. Мясники разделяли туши своими тяжелыми ножами на пнях, пропитанных насквозь кровью. Лица свирепели, когда они наносили удары.

Мы уже прибавили шаг, стараясь поскорее покинуть мясной ряд. Кузен ушел немного вперед. Когда он скрылся за поворотом, сердце тревожно забило. Почему мы не могли разминуться среди благоухающих масел, спелых сочившихся фруктов или столов, уставленных сладостями с золотистыми корочками сладкой карамели? Нет, мы разминутись посреди мерзостного удушливого смрада плоти и липкой крови и сока, которым насквозь пропитался песок под ногами.

Вдруг внимание мое привлек такой рев, который просто не мог исторгаться из человеческих уст. По крайней мере, мне так показалось, и я, щуря уставшие от яркого солнца глаза,

обернулся на звук. Тогда я хотел посмотреть, что же за зверское создание так пронзительно вскрикнуло, пересилив весь гул и гомон алжирского базара.

Около уступа собралось так много народа, что я точно понял – если я хочу узреть все своими глазами, я должен протиснуться в этой толпе. Будучи тем еще шуплым пронырой, я ловко подгадал момент и, проскользнув сквозь пыльные одежды, я добился своего. Внизу открылось плато. Драка была в самом разгаре. Притом бой казался неравным.

Четверо алжирцев явно были в свойстве между собой против одного-единственного высокого сутулого голодранца в красно-бордовом тюрбане. Его взгляд исподлобья пронизывал алжирцев, которые явно не спешили с расправой, пользуясь очевидным своим превосходством. Голодранец оглядел толпу, и мне хватило той пары мгновений, чтобы увидеть в его загорелом лице европейца.

– Из-за чего потасовка? – спросил я, уповая, что среди зрителей найдется тот, кто поймет меня.

– Из-за чего, месье? – отозвался смуглолицый мужчина рядом со мной. – Пройдоха Жан решил украсть у мясника кость.

– Кость? – переспросил я, думая, что попросту не расслышал в царящем вокруг оре.

– Кость, месье, кость, – закивал алжирец. – Вот и думай теперь, стоило оно того!

– Кто из них мясник? – спросил я, указывая вниз.

– Кто, месье? Так все пятеро, включая пройдоху Жана, – ответил алжирец. – Как знали, не к добру этот оборванец прибрел к нам с восточного утеса. Дикарь, как есть, да еще и вороватый.

Я закатил глаза, довольно утомившись этим разговором, равно как и шумом. Достав пару монет, я сунул их в руку своему собеседнику.

– Прикрикните, чтобы поутихло, мой добрый друг, – попросил я, махнув на разгоряченных зрителей рукой.

Влажный взгляд черных глаз вспыхнул. Видно, получив много больше, чем стоил этот простенький труд, алжирец охотно присмирил толпу, гаркнув, вероятно, какую-то здешнюю брань. Как только толпа поутихла, я набрал воздуха в грудь и воззвал так громко, сколько у меня было силы:

– Я заплачу за него!

Все пятеро обратили на меня внимание, и я мог разглядеть лицо пройдохи Жана. Нескладный и резкий, со слишком длинными ступнями, обутыми в пыльные потертые сапоги, он сутулился и опирался рукой об огромный валун, где на привязи стояли ослы. Длинноухие упрямыцы сторонились всей драки, а может, и именно этого пройдохи Жана. Его опаленные светло-русые волосы грубо свалались неряшливыми прядями, но когда голодранец поднял взгляд, волосы ниспали назад. Мне открылся взгляд, который я вижу перед собой до сих пор. На его опаленном лице с резкими чертами и сломанным носом один глаз горел светло-серым цветом, который сразу же напомнил мне об одном датском принце, моем близком друге детства. Второй же глаз чуть щурился, и он был черен, под стать алжирским очам.

Думаю, что он старше меня лет так на пять точно, а может, и больше. Вспоминаю его пыльные измятые лохмотья, которые обнажали его обгоревшие плечи, и не идет никакого более подходящего слова, но тогда он показался мне и впрямь конченным пройдохой. Эта ошибка мне много стоила, но сейчас, оглядываясь назад, я ничуть не жалею об этом.

До чего же мне было неожиданно увидеть соотечественника! Растерявшись, я стоял в оцепенении, но шевеление одного из алжирцев заставило меня вновь напомнить, что я не прочь подкинуть им денег.

– Сколько? – вопрошал я, наконец переведя взгляд на окруживших Жана.

Громко харкнув, он сплюнул с кровью на пыльную землю, после чего выпрямился в полный рост. Теперь он был еще выше, чем мне показалось вначале.

– Три пистоля, – ответил один из алжирцев.

– Что же это за кость такая? Рог единорога, не меньше, – пробормотал я себе под нос.

Видимо, на то и был расчет лукавого чернокожего алжирца, но у меня не нашлось монеты ни в один, ни в пол-луидора. К большой радости мясников, я бросил им четыре пистоля одной монетой. Они ругнулись на прощание Жану, сплюнули наземь и оставили долговязого пройдоху, по крайней мере до поры до времени.

Не теряя ни минуты, я ринулся по ступеням сквозь разбредающую толпу вниз, к своему соотечественнику. Жан заметил, что его заступник столь охотно ищет его общества, и посему не спешил. Он присел на валун с привязанными ослиами и, пощурив свой диковинный взор, обратился лицом к морю.

– Ты же здесь недавно? – спросил меня Жан, вместо приветствия или слов благодарности.

– Недавно, – согласно кивнул я.

Злиться на диковатую грубость мне не было никакого толку. Его простецкое отношение могло сыграть на руку. Этикет, расшаркивание ножкой, обутой в бархатные туфли с большими пряжками и бантами остались там, за морем, в далеком и мною ненавистном Версале. Воздух тут стоял морской, разгоряченный ужасающе щедрым южным солнцем, совсем никак не походил на затхлые болота Версаля, полные комарья и мошек.

– Если и воровать, то отчего кости, а не мясо? – спросил я.

Жан улыбнулся, почесывая затылок, и посмотрел на море.

– Ты скоро обгоришь под этим солнцем. И вообще, тебе тут не место, – ответил Жан, вставая с валуна.

Вот примерно чем-то таким выливается любое христианское деяние на моей памяти.

– Береги себя, – ответил я и собирался было уйти, как Жан резко вцепился мне в плечо.

Наши взгляды встретились, и меня пробрало до дрожи.

– Тебе тут не место, – повторил Жан, и голос его сделался низким, он рокотал басом.

Первая мысль, бежать, тотчас же смолкла. Холодная молния полоснула мой разум, в одно мгновение оживив все слова о пропаже европейцев.

– Ты что-то знаешь? – спросил я, стараясь распознать, о чем именно меня предостерегает Жан.

Догадка заставила его отступить. Его живой подвижный взгляд окинул весь рынок, шустро бегая из стороны в сторону.

– Я знаю, что людям вроде нас тут опасно, – произнес Жан.

– Вроде нас?.. – переспросил я.

– Возвращайся домой, пока не стало слишком поздно.

– Я здесь, чтобы узнать, что происходит с людьми вроде нас. Мы в опасности? – спросил я.

– Ты – да, – усмехнулся долговязый.

Он потянулся и так быстро нырнул в базарную толпу, что я не успел ничего сказать. Вскоре его высокая фигура последний раз мелькнула, прежде чем он скрылся в проеме низкой арки. Жан наклонился, и тень поглотила его.

– Этьен!

Окрик кузена заставил очнуться и даже припомнить, что мы пришли вместе и нам обоим одинаково необходимо воротиться во дворец.

* * *

Ответы были там, на восточном утесе, который виднелся самым-самым краешком отсюда, с балкона дворца Шафака. Сердце бешено билось. Еще днем виной тому я бы назвал жару, но солнце уже зашло, а мое тело омыли от пыли, пота и грязи холодной водой. Теперь мои мучения были не от моей северной природы и не оттого, что моя кожа так скверно обгорела.

Мне не давали покоя мысли о далеком чернеющем мысе. Жалкий вид бродяги, как и его отшельничество говорили о том, что живет он не столь припеваючи. Скорее всего, он скрывается где-то там, на черном утесе, от своего прошлого. Сейчас было важно одно – Жан *знает*, что случилось с нашими людьми.

В конце концов, меня обуяла доселе неведомая мне решительность. Этот мясник-отшельник, конечно же, неспроста так боязливо озирается среди лукавых черных глаз алжирцев. Пройдоха Жан точно не будет подставляться на улице, где в каждой тени может поджидать изогнутый клинок.

Я знал, что за ответами мне надо идти туда, на черный восточный утес. Если Жан увидит кузена, отца, любого моего спутника – он исчезнет, как призрак на рассвете, а вместе с ним исчезнут и ответы. Сглотнув, я метнулся к своему баулу и быстро развязал его и достал пистолет. Явиться безоружным – конечно, глупость, но идти с гордо поднятым пистолетом в гости к незнакомцу – идея тоже довольно скверная. Пришлось переодеть мягкие туфли на высокие сапоги, чтобы было куда спрятать эту скромную меру самообороны.

Теперь оставалось лишь улизнуть незамеченным из дворца. Отец и кузен не поймут моих намерений, ведь они не видели Жана, не слышали его предостережений. Я должен разыскать правду для нас всех, и по великому счастью мне в этот раз даже не придется никому врать, а всего лишь оставить до поры до времени в неведении. Я не успел так быстро изучить расположения залов, входов и выходов, не говоря уже о том, как часто и какими путями ходят слуги и стража. С другой стороны, прямо у меня под носом был выход на балкон, от которого так великодушно веяло ночной прохладой. Поддавшись на безмолвный уговор манящей южной ночи, я вышел и оказался под роскошным небосводом. Представ перед таким великолепием, невозможно остаться прежним. На коже выступили мурашки. Как только я припал к перилам, все же отведя взгляд от роскошного богатства ночи, быстро понял, что прыгать было высоко. Для атлета вроде моего кузена, может, и не проблема вовсе, но не для худого болезненного юноши, как я.

Опустив взгляд, я стал рассматривать решетку под перилами. Проверка на прочность прошла успешно: один-единственный жалобный скрип немного смутил, но не настолько, чтобы отказаться от прежнего намерения.

Я перелез через перила, слез по решетке, пока узор позволял цепляться за него, и спрыгнул в сад. Падение пришлось жестче, чем ожидалось, но мягче, чем могло бы быть. Быстро отряхнувшись, я огляделся в сгущающихся сумерках. Свидетелей, по крайней мере зримых, я не обнаружил, и путь к воротам был чист. Благо изнутри они открывались довольно легко. Оказавшись снаружи, я лишь немного прикрыл двери и, не теряя времени, поспешил вниз по южным улицам.

Наступающая ночь разворачивала передо мной совсем иной Алжир. На улицы вышли местные, куря горькие травы. Этот запах бил мне в нос, когда я пробегал по узкой улочке. Я вдохнул слишком много тяжелого дыма, и вскоре мои виски загудели.

Короткая передышка дала волю скверным мыслям. Именно в подобные мгновения душевного, физического истощения, или же обоих сразу, какой-то незримый демон лукаво нашептывает: «А не вернуться ли? А не бросить ли начатое? Ты едва приступил, а уже выдохся. Что же дальше?» Самовольную отлучку уже должны были заметить. Возвращаться сейчас я не мог. Раз я уже проявил грубость, попросту сбежав с приема, то должен был выведать хоть что-то. Нет, ни здравый смысл, ни гордость не позволяли мне вернуться сейчас во дворец.

Восточный утес оказался намного дальше, чем мне представлялось тогда с корабля. По мере того как город оставался позади, я все реже слышал человеческие голоса. Когда меня окружили дикорастущие кипарисы, ютившиеся рощицей, людские голоса вовсе стихли, лишь изредка оживали редким и неясным эхом.

Впереди вилась каменистая дорожка, круто уходящая наверх. Каждый шаг предостерегал от последующего настороженным шорохом. Тяжелое восхождение прервалось, когда раздался залиvistый лай, заставивший замереть и прислушаться. Для таких диких мест было бы странно не держать злую собаку, которая была бы натаскана на незваных гостей, коим я, собственно говоря, и являлся. Стыд за самодовольство досадно кольнул сердце, но упаднические настроения быстро сменились куда более ободряющей мыслью.

«Не бывает собак, которым плевать на пули», – подумал я и наклонился к ноге, нащупывая свой пистолет.

Глаза привыкли к мраку довольно скоро, и я вглядывался в промежутки между стволами кипарисов, выискивая что-то похожее на дом, и из-за роши выглянула хибара.

Конечно, сторожевой пес – обстоятельство пугающее, особенно для незваного гостя вроде меня, но куда больше пугало как раз отсутствие собаки во дворе и в принципе в пределах видимости. Вообще не было ничего видно и слышно. Собака оказалась вовсе не брехливой и больше голоса не подавала. Впрочем, это меня не остановило, и я зашел во двор, ведь на мое счастье хозяин не возвел никакого ограждения.

Боясь издать лишний звук, я ступал дальше, к хибаре. Дверь была раскрыта настежь. Подикарски, но все же гостеприимный жест. Я внял этому заочному приглашению, переступая порог хибары. Сперва ничего странного не бросалось в глаза. На стенах висели шкуры и трофеи здешних зверей, так же отдельно лапы, хвосты, самодельные украшения из клыков и когтей. Вероятно, тот алжирец, который представил мне всех пятерых как мясников, не очень удосужился прознать о промысле Жана. Эта ошибка становилась еще очевиднее, если здешние видели разноглазого охотника на рынке, когда тот продавал добычу, и, вероятно, разделявал ее прямо на месте. Отсюда, верно, и закрепился за ним промысел мясника, а Жан был слишком угрюм и нелюдим, чтобы разуверить чье-то мнение о себе.

На столе, в углу, стояла убогая утварь из железа, пара котелков, огниво, длинный английский лук с колчаном стрел. Старомодное средство охоты навеяло мысли о том, что я абсолютно без понятия о толке здешней охоты. Приученный к подлым полутеатральным облавам, когда несколько взрослых мужчин гоняют по всему лесу одного-единственного вусмерть перепуганного кабана, могло не иметь ничего общего со здешним миром. Любопытство ошпарило мой ум, когда я представил, на кого же охотится разноглазый мясник, не пользуясь громким шорохом. Мысли о пустынных скалистых плато и диких зверях, что пасутся среди редких, колючих и сухих кустов, вдруг померкли. В углу стояло нечто бесформенное, раскоряченное в непонятной мне форме. При всем моем кураже холодок щекотливо скользнул по спине. Сил, по крайней мере сразу, не хватало, чтобы приблизиться к таинству, сокрытому грубой холщовой мешковиной.

Истомленный вереницей самых причудливых образов, что пронеслись в моем сознании, я в нетерпении сорвал ветхий покров и обомлел. Во мраке предстали золотые чаши и блюда. Нити жемчужных бус тянулись из приоткрытых сундуков, обитых грубой жестью. К стене были приставлены гобелены, скрученные в рулоны и перевязанные тугими ремнями с изношенными поржавевшими пряжками.

Все это царственное великолепие посреди убогой хибары обескуражило меня. Сокровища лежали ничком, вповалку, безо всякого разбору. В той груди отчетливо читалось, сколь их хозяин либо вовсе не знает цены собственному богатству, либо напрочь лишен той земной алчности и златолюбия, от которого меня предостерегал священник на воскресной проповеди.

Со временем сокровищница стала нашептывать мне свои тихие и неприглядные откровения. Покуда глаза, по-кошачьи приспособившиеся к темноте, вглядывались в предметы, восторг угасал. Да, дорогая посуда продолжала излучать в манящем полумраке царственное великолепие, поблескивали самоцветы и металлы, но прямо подле валялись старые ботинки. Сразу вспомнились ноги Жана, а именно его длинные ступни, которые так свойственны высоким

долговязым людям. Даже той мимолетной встречи хватило, чтобы эта отнюдь не единственная особенность внешности врезалась в память.

Постепенно давали о себе знать и другие незамысловатые и вовсе не жуткие вещицы: кошель, ремни, туфли, очки с разбитыми стеклами и помятыми дужками, компас, три куртки разного кроя и размера, потертая сумка, две тетради для записей, так похожие на банкирские. Все эти вещи по отдельности не были дурными предвестниками, но сейчас, сваленные в одну кучу, имели иной смысл.

В тот миг мне открылись две новости, хорошая и плохая. Хорошая заключалась в том, что я понял, кто именно причастен к исчезновениям европейцев. По иронии, это же обстоятельство являлось и плохой новостью.

Когда я поднял взгляд, почуяв звериным нутром какой-то холодок, я еще не знал, что уже слишком поздно. Моя искаженная тень чернела в овальном золотом подносе, который расположился будто бы специально таким образом, чтобы я смог разглядеть вторую тень, что стояла прямо за мной. Мне не было никакой нужды оборачиваться, чтобы узнать, кто там.

Моя рука крепко сжимала пистолет. Жан точно заметил мое оружие. Сердце бешено забилося, руки похолодели от пота. Резко обернувшись, я взял его на прицел. Рука почти не дрожала. В любом случае с того расстояния разноглазый мясник не мог этого заметить.

Жан стоял, опершись левой рукой на дверной косяк, и выглядел слишком расслабленным для человека под дулом пистолета. Он смотрел мне прямо в глаза, наклонив голову вбок, будто ему попросту лень было ее держать ровно.

Прошло мгновение или несколько минут – я не знал. Счет времени стал иным. Все застыло, сам воздух, само время. Холодный озноб предательски вгрызся мне в руки, терзая их изнутри жгучим азотом. Насилу я совладал с собой, чувствуя, как вот-вот начну стучать зубами. Стиснув челюсть, я не сводил взгляда с мясника. Хозяину дикой хибары было чуждо любое волнение, будто бы это он держит меня на прицеле, а не наоборот.

– На кого ты охотишься? – спрашивал я, оглядывая Жана.

Он постучал длинными пальцами о косяк двери, с улыбкой окинув меня взглядом. Вопрос его явно позабыл. Жан отстранился от косяка и широким шагом приблизился, размашисто всплеснув руками. Они болтались вдоль его нескладного тела расслабленными плетями, пока его вымораживающий взгляд бегло перескакивал то на меня, то на пистолет, и снова на меня.

– А то ты не знаешь, – произнес он низким, звучным голосом, который запомнился на долгие годы.

Я спустил курок, что стало роковой ошибкой. Слишком сильная отдача и оглушительная вспышка выстрела резко ударили в руку и на время отняли слух. В то же время Жан был полностью готов и к выстрелу, и к тому, что я промахнусь. В мгновение адская боль вспыхнула в виске, и я погрузился во тьму.

Глава 1.2

Я не припомню более болезненного пробуждения ни до, ни после этой ночи. Меня вело, кружило, тошнило. Первый порыв как-то приподняться отозвался такой неистовой болью, пронзительный стон сам собой вырвался сквозь плотно стиснутые зубы. Пульсирующая боль пробуждалась и охватывала всю голову, раскалывая ее с беспощадностью Гефеста.

Отвратное чувство подступило к самому горлу, и я насили приподнялся на локте и сбил перед собой. Засохшие губы жгло от потрескавшихся ран и желчи.

Я хотел было вытереть рот, но, опустив взгляд на руки, злобно шикнул. Грубая веревка тугим узлом схватывала запястья, врезаясь до крови.

После нескольких напрасных попыток пришлось смириться. Попросту сильнее сдеру кожу с рук. В голове продолжала разливаться адская агония, и боль заставила меня вновь стиснуть зубы до скрипа. На глазах выступили горячие слезы.

Новый приступ тошноты вновь мучил, но на этот раз рвать было нечем. Сквозь боль проснулся рассудок. Измученные глаза бродили мутным взглядом по сторонам.

Тут к безумной, просто неистовой радости рядом оказалась глиняная миска с водой. Хватило одного залпа, чтобы опустошить ее. Омерзительная желчь в горле поумерила свою едкость. Прохлада целительно прошла по раздраженному горлу, унимая страдания хоть самую малость. Появились силы, чтобы осмотреться. Судя по всему, я находился где-то под землей. Это место напоминало кельи монахов-отшельников. Комната была выдолблена прямо в скале, а проход был заделан решеткой, за которой темнел коридор.

Сверху лился солнечный свет из трех окошек, выбитых в ряд. Доносились отголоски морского прибоя. Я начал прикидывать, как скоро спохватятся отец и кузен, но особо рассчитывать на них было сложно. Жан им не по зубам. Дела оборачивались скверно, и лишь одно обстоятельство не давало окончательно утратить надежду – мое сердце все еще билось, и мне было безумно интересно почему.

Я прислонился спиной к каменной стене, собираясь с силами для встречи с Жаном. Что разноглазый голодранец придет, у меня не оставалось никаких сомнений, лишь вопрос времени. Ожидание и усталость нещадно притупляли рассудок.

– Спишь? – низкий голос заставил дрогнуть всем телом.

Некуда было отстраниться – я уже и так забился в самый угол. Видимо, сон внезапно одолел меня, прямо перед возникновением Жана. Он сидел на корточках, пялясь на меня и не мигая.

Этот взгляд, дикий и нелюдимый, ощущался, как разбойничий нож, приставленный прямо к самому горлу. Застывшие жуткие глаза были чужды роду человеческому. Много больше было родства со сводящим с ума северным сиянием или полнолунием. Я сглотнул, стараясь выдержать этот взгляд на себе, и вместе с тем ужаснулся крови на его скуле. Скверное увечье сильнее безобразило Жана, и тянулось до самой ушной раковины, на которой в самом верху остался уродливый оборванный край. Догадка о происхождении осенила мой изнуренный разум.

В любом другом случае я бы обрадовался, что мой выстрел если не сразил врага, то хотя бы оставил напоминание. Сейчас же, под этим звериным взором, я был готов душу отдать, чтобы вовсе не совершать того выстрела, а еще лучше – чтобы он пришелся прямо в лоб мясника.

– Не спи, – произнес он, хлопнув меня по щеке.

Моя голова невольно отнялась назад в попытке отстраниться, но больно ударилась затылком. Жан усмехнулся, услышав глухое шиканье от боли. Он поднялся, сделал пару шагов и потянулся, разведя руки в стороны. Его роста едва-едва не хватало, чтобы доставать головой

до каменистого неровного потолка. Когда он повел плечами, круто тряхнул шею, и в тот миг его позвонки отдали каким-то мерзким щелчком, от которого у меня пошли мурашки.

Сейчас он смотрел на меня, как мы с Франсуа глядели на мясные туши, проходя по торговым рядам. Чутье подсказывало мне: Жан сам еще не решил, что со мной делать. Губы дрогнули, контроль слабел. Сорвавшаяся поневоле усмешка поразила и меня самого, и Жана. Разноглазый кивнул в мою сторону, приказывая поделиться шуткой, ведомой лишь мне одному. Пришлось рискнуть.

– Поздновато, но... Я граф Этьен Готье, – представился я.

Брови мясника приподнялись, ноздри расширились.

– Жан Шастель, – в ответ представился он. – А вот ты зачем вообще сунулся на мой утес?

– Да виды отсюда хорошие, должно быть, – ответил я, пожав плечами.

Разноглазый отшельник наградил мой ответ довольным оскалом, а после и хриплым смешком.

– И как виды? – посмеявшись, спросил Жан.

Я подался вперед, стараясь заглянуть в одно из крохотных окошек. Бесплезно. Мои плечи тяжело опустились.

– Ну, сказать по правде, не видно ни черта, – раздосадованно вздохнул я.

Едва слова стихли, Жан одним резким ударом снова впечатал меня в стену, пребольно отбив мне ребра и спину. Зубы плотно стиснулись до мерзостного скрипа. Только сейчас взгляд скользнул за спину Шастеля, а именно на открытую решетку.

Едва веки приоткрылись, рука Жана обхватила меня за лоб, и он дважды приложил меня затылком о стену. Голова наполнилась жутким шумом, и тошнота вновь подступилась к горлу. Потрескавшиеся сухие губы жадно глотали воздух, хоть каждое движение вскрывало запекшиеся ранки. Мучительный приступ выворачивал изнутри, а гул в голове делался громче и громче. Наконец, милосердное забвение овладело мной вновь.

* * *

Сложно описать свои ощущения в тот момент, когда Жан пришел во второй раз. Он сел чуть поодаль, опершись о стену, и его руки безвольно опустились на согнутых коленях.

– Хочешь погулять? – спросил он, разминая шею.

– Такая любезность, месье, – ответил я, прочистив горло.

Было бы странно ожидать от разноглазого мясника, что он выведет меня на свет божий, заручившись всего-навсего моим честным словом.

Я никогда не мог похвастаться сильным сложением, а потому было даже что-то забавное в тех предосторожностях, которые предпринял Жан: он приковал к своей руке длинную цепь, конец которой застегнул на замок на моем запястье. Звенья обходили мою руку в два оборота, стягиваясь тяжелым браслетом.

Когда я разглядывал цепь, то успел заметить какое-то огнестрельное оружие, заткнутое за широкий красный пояс Шастеля.

Ошибки быть не могло – это точно мой пистолет. Я отвел взгляд так быстро, насколько было возможно, однако это не помогло избежать пристального внимания мясника.

– Туговато, – недовольно вздохнул я, пытаясь поправить тяжелые звенья.

Сейчас я заметил, насколько они неровные, полны зазубрин и глубоких ударов с моего конца.

Видно, другие везунчики, которые оказались в гостях у Шастеля до меня, довольно активно рвались прочь. Эти отметины красноречиво рассказывали о долгой службе старой цепи разноглазому мяснику, службе его охоте.

Полагаться на грубую силу было глупо. Конечно, я прикидывал, как бы наиболее вежливо распрощаться с Жаном, но мой побег никак не мог строиться на физическом превосходстве и уж тем более физическом срыве оков.

– Да? – усмехнулся Жан, тряхнув старой цепью. – Ничего не знаю, до тебя никто не жаловался.

Я удивленно вскинул брови, проявляя на самом-то деле искренний интерес. И хоть мне безумно хотелось послушать о вкусах и пристрастиях мясника, я решил подождать с расспросами.

Он кивнул на дверь, и в этом жесте проявилась уже примеченная мной размашистая свободная манера движений.

Я повиновался и пошел к решетке. Она была грубо врезана прямо в скалу. Местами камень давал трещины, которые забивались клиньями.

Побоявшись, что подобный интерес может раздосадовать Жана, чего я, разумеется, не хотел ни в коем случае, я поспешил идти дальше.

Цепь волочилась по полу, пока я шел мимо таких же врезанных решеток. Всего я насчитал шесть подобных камер – может, их притаилось больше в полумраке катакомб.

Довольно скоро я вышел к грубо выдолбленным ступеням и охотно взошел по ним. Ослепительно яркое солнце резануло мне по глазам, и я невольно зажмурился и отвел взгляд.

Еще не привыкнув к палящему солнцу, я шел вперед вслепую, как вдруг резкий звук заставил меня встать на месте.

В моих ушах еще не стихло злостное собачье брехание. Я насилу приоткрыл глаза, пораженные солнцем, и сглотнул.

Передо мной стояли звери, которых я раньше никогда не видел. Ближе всех эти чудища походили на помесь собаки и волка, но меня сильно смущала косматая черная грива. Также не давали покоя лапы со светло-белыми полосами – подобного я не встречал ни в одном зверинце.

Их было пять, и от шеи каждой тянулись цепи к огромному валуну. Их холки круто дыбились, и поджатые уши вторили общей напряженности, охватившей зверей. Тем не менее цепи не были натянуты. Помимо этого, псины были ограничены намордниками, которые не позволяли им вонзиться в меня здесь и сейчас.

Прямо над моим ухом раздался свист, заставивший меня вздрогнуть от неожиданности и метнуться в сторону, непроизвольно схватившись за грудь.

Едва я поднял взгляд на Шастеля, меня даже задела та издевательская улыбка, которой он меня так радушно одарил.

Я выпрямился, хотя, сказать по правде, спина ныла неистово и дико.

– А я все гадал, что за собака меня облаяла, – произнес я, переводя взгляд на зверей.

– Это гиены, – поправил меня Жан и направился к валуну, овитому цепью несколько раз.

Он отстегнул с пояса связку ключей, среди которой, вполне возможно, был и ключ от моих оков. Но, конечно же, мясник решил вызволить зверей, а не меня.

Открывшийся ржавый тяжелый замок пронзительно скрипнул от поворота внутри скважины. Груда металла грохнулась на камень, жуткое зверье осталось без привязи.

Моя память не очень-то милосердно воскрешала эпизоды из Библии, особенно казни ранних христиан дикими зверьми.

Когда я уже нашел подобную кончину весьма поэтичной, почему-то ничего не произошло.

Гиены топтались, поскребывая длинными когтями по скалистому утесу, но едва ли собирались к броску. Такой расклад дел порядочно меня озадачил.

Тут я заметил, что тонкие губы Жана шевелятся, и мне казалось, даже сквозь шумевший прибор, я едва-едва разбирал его заговорщический шепот.

Я с замиранием сердца глядел, как все пять зверюг следовали воле одного человека. Сам же Жан начал отстегивать тугие пряжки на затылках гиен и бросал намордники прямо на пол.

Звери отряхивали свои морды, иногда потирая лапами, как часто делают коты при умывании.

– Пошли, – кивнул мне Жан, направляясь к тропе, что круто вела вниз, к дикой бухте.

Едва гиены услышали заветное слово, звери ринулись за хозяином.

Я боязливо ступал на камни, рискуя с каждым шагом сорваться и наввернуть себе шею.

Жану же, видимо, был знаком каждый уступ, и он ловко шел, даже не глядя себе под ноги.

– Погоди, – произнес я, видя, что цепь, связывающая нас, постепенно начала подниматься.

Шастель обернулся через плечо и сделал ловкий прыжок, развернувшись ко мне впол-оборота.

– Не ной, почти пришли, – он указал большим пальцем себе за спину.

Над простирающимся берегом кружили крупные вороны, хлопая черными крыльями. Здешний берег был раздольем для любого падальщика – на камнях под жарким знойным солнцем валялись дохлые рыбы.

Гадкий запах смешивался с царящим вокруг нас жаром и оттого усиливался, и каждый порыв ветра жестче доносил эту мерзкую вонь.

Зверье Шастеля уже рыскало по каменистому побережью, и цокот их когтей доносился до нас, когда они с большим рвением выискивали рыбешку покрупнее.

Шастель сел на поваленный ствол кипариса – судя по всему, дерево было сметено во время стихийного шторма. Я перевел дух и сел на некотором отдалении от Жана. Место было не самое удобное, но всяко удобнее каменистого пляжа.

Мы с Жаном молча смотрели, как гиены носятся по побережью, отбивая добычу у чернокрылых воронов.

Я сложил руки на коленях и уже хотел было прислониться к сухой, но могучей ветви кипариса, как резкая боль от малейшего прикосновения быстро разубедила меня в этой затее.

Вдруг я заметил, где еще я обманулся в отношении этих черномордых чудищ. Сперва мне показалось, что гиены жрут падаль, но мне самому стало дурно, как до меня дошел истинный смысл их метаний.

Носясь из стороны в сторону, зверье тащило в одну кучу рыбешек, дохлых чаек и еще невесть что – мне было отсюда не разглядеть.

Омерзительный запах продолжал щипать нос, особенно сейчас. Не будь я столь истощен, меня бы стошнило.

Жан же пристально вглядывался в падаль, наклоня голову все круче и круче, я видел шевеления мускул и жил его длинной шеи.

Гиены перестали таскать добычу и, свесив языки, обратили на нас свои глазки, точно бусы из черного стекла, которые мы с кузеном прикупили буквально накануне.

Жан же отвечал не менее, а как по мне, так и более лютым взглядом. Его тонкие губы дрогнули, и у крыла носа возникла складка, присущая скорее оскалу.

Я не знал, чего выжидает Шастель, и сидел рядом, затаив дыхание.

Резкий свист заставил меня вздрогнуть всем телом и невольно сжать кулаки. Для зверей же то было, видимо, самым добрым и желанным знамением их хозяина – они тотчас же ринулись пожирать гору падали, приволоченную со всего побережья.

Приступы отвращения, безусловно просыпались во мне, когда я глядел на этих безобразных горбатых падальщиков, как их пасти вновь и вновь вонзаются в зловонную плоть. Чавканье раздавалось вперемешку с хрустом костей и клацаньем клыков и когтей о друг друга и о скалистые камни берега.

При всей мерзости, которым изобиловало открывающееся мне зрелище, я не мог отвести взгляд ни на минуту. Я не могу назвать это оцепенение состоянием замороженности, но какой-то немислимый и даже кощунственный трепет овладел моим сердцем.

Мне пришлось отвести взгляд лишь от порыва ветра, который с громким свистом поднял горячую пыль. Я прикрыл глаза рукой и зажмурился, отвернув лицо в сторону. Обжигающий жар пронесся по моей и без того раздраженной коже.

Когда порыв стих, я приоткрыл веки и, сам того не желая, встретился с Шастелем взглядом.

– Как прошла твоя первая охота? – спросил я.

Я рисковал, но в этот раз попал в цель. В мимолетном изменении, в едва-едва заметном шевелении во взгляде промелькнуло удивление и даже замешательство.

– Скверно, – пожал плечами Жан, когда его недолгое оцепенение исчезло. – С тех пор я охочусь намного лучше.

– Это точно, – кивнул я, переводя взгляд на цепь на своей руке.

Жан усмехнулся, поведя головой. Есть жесты, к которым привыкнуть нельзя, и вот это был один из них. То ли дело было в слишком длинной шее, то ли он резко и круто заламывал голову набок, то ли меня отвращал именно этот мерзостный щелчок. Я не мог сказать точно, но эта вымораживающая привычка вновь заставила меня покрыться мурашками.

– И каково это, – спросил я, – отнимать жизнь?

Шастель усмехнулся и свел брови.

– Ты ни разу не убивал? – спросил Жан.

– Не было нужды, – я пожал плечами.

– Вот как... и ты, наверное, решил, что вот так с ходу, с первого раза завалишь меня вот этим? – спросил Жан, вынимая из-за широкого пояса мой пистолет.

Я развел руками и неловко улыбнулся.

– Да уж, стрелок из меня неважный, – вздохнул я. – Хотя моя семья испокон веков была охотниками.

– Может, ты подкидьш, – сказал Шастель, пожав плечами и почесав собственный висок дулом пистолета.

– Может быть, – согласно кивнул я, усмехнувшись, и Жан усмехнулся мне в ответ.

Мы продолжили слушать прибой. Волны обрушивались вновь и вновь на дикие камни. Шум моря смешивался с воплями гиен – они, видно, давно томились на цепи.

Гоня друг друга по побережью, они вцеплялись друг другу в глотку, пинались когтистыми лапами и отбегали ровно настолько, чтобы уродливый сородич не отстал.

Шастель подался вперед. Ссутулив плечи, он уперся локтями в колени, а его стеклянный взгляд следил за жуткими питомцами.

Наконец Жан окинул меня взглядом, которому я не мог дать описания тогда и не могу дать его сейчас.

– Пошли, – сказал он.

Еще до того, как сам Жан встал с поваленного ствола, его зверюги зашевелили черными ушами и, обернувшись, метнулись к хозяину. Меня тогда удивило, как гиены вообще что-то расслышали сквозь шум прибоя и криков воронья.

Жан присвистнул и окинул скорым взглядом своих сутулых питомцев. Зверье остановилось в нескольких шагах от нас. Они нюхали воздух и поглядывали на меня, даже догадываюсь, с какими целями.

Пришлось подниматься наверх по крутому склону. Шастель взбирался еще быстрее, чем спускался. Я едва-едва поспевал за ним. Что-то мне подсказывало, что если цепь, связывающая нас, натянется, это очень не понравится Жану, в то время как я уже вполне себе рассчитывал на пусть и извращенную, но симпатию к своей скромной персоне.

Мои мышцы дрожали от усталости, но я боялся отстать от Жана. Когда я насилу справился с этим подъемом, Жан ждал меня на небольшом относительно ровном плато, а его твари убежали вверх – по крайней мере, я их не видел.

Я уперся руками о колени, пока переводил сбитое дыхание. Сухие губы жадно глотали горячий воздух.

Мне показалось, что Жан собрался сделать шаг ко мне. Будучи не в силах сказать ни слова, ни попросту разогнуться, я выставил руку перед собой, прося еще пару мгновений, чтобы перевести дух.

Мой жест заставил Жана улыбнуться. Он всплеснул руками, оставаясь на своем месте.

– Дыши, дыши, – произнес Шастель, как будто бы в самом деле пытался меня успокоить. – Мы никуда не торопимся.

Я пару раз кивнул, ибо тоже не видел сейчас ни малейшего повода для спешки. Оставшийся отрезок тропы был куда более пологим, и мы прошли его уже без остановок.

По мере того как мы отдалялись от морского берега, тем жарче и суше казался мне ветер, обдувающий нас редкими порывами.

* * *

Когда я уже завидел здоровый валун, к которому были прикованы гиены, мы свернули от него. Я следовал за Жаном, не задавая лишних вопросов. Когда мы пересекли тенистую рощицу, я смутно узнал эти места, облаченные сейчас золотом щедрых южных небес.

Мы не стали спускаться в подземелье, а направились к хибаре.

Я старался не отставать от Жана, но за его широким шагом поспевать было сложно. Губы трескались от горячего воздуха, который я жадно глотал, не в силах унять эту удушающую жажду.

Где-то вокруг нас рыскали гиены, то подбегая, то вновь устремляясь прочь, по скалистым уступам, поросшим колючими сухими кустами местной флоры.

Мне было бесконечно отрадно увидеть хижину – я был на пределе. Каждый шаг под зноем казался настоящим подвигом.

Едва-едва я переступил порог хижины мясника и едва ее милосердная тень наконец укрыла мою голову, я закрыл глаза и рухнул спиной к стене ветхого жилища и сполз на пол, не будучи в силах стоять на ногах.

Но тут же я вздрогнул, придя в чувство, – Жан резко дернул цепь.

Я суетно оглядел жилище и поразился увиденному еще больше, чем в первый раз.

Прямо посреди хибарки на полу был расстелен узорчатый ковер с бахромой, прямо на земле. На нем стоял низкий столик, грубо смастеренный явно на скорую руку.

Я протер свои глаза, утомленные ярким светом, и вновь принялся разглядывать накрытую на столе роскошную посуду. Я уже видел эти кувшины, кубки и блюда, сваленные в кучу под покровом мешковины.

Сейчас они величаво поблескивали в солнечных лучах, что струились из открытых окон и двери, гордо преподнося здешние яства.

Жан стоял, держа одну руку на поясе, едва касаясь ею заткнутого пистолета. Разноглазый мясник уселся за стол по-турецки и кивнул мне, чтобы я составил ему компанию.

От мучившей меня жажды я находился на грани безумия, поэтому мне хватило короткого жеста как дозволения, чтобы прикоснуться к этим яствам.

Я жадно припал к кувшину с прохладной водой. Уняв дерущую меня изнутри жажду, я глубоко вздохнул, переводя дух.

Это щедрое угощение натолкнуло меня на пару догадок, относительно того, почему я вообще еще жив.

Сам Жан не ел, что меня, конечно, немного беспокоило, но не настолько, чтобы я отказался от трапезы.

Утолив голод, я принялся ожидать дальнейших знаков от Жана, с чем он не спешил.

– Спасибо, – произнес я.

Ответа не было. Вообще, кажется, Шастелю было не до меня – он глядел куда-то на улицу, вдаль, через открытую дверь, верно, приглядывая за своими питомцами.

– Пока отдыхай, – сказал он, даже не обернувшись на меня.

Как будто мое тело лишь и ждало того дозволения. Тяжелые веки закрывались сами собой. Я успел лишь отползти назад и прислониться спиной к стене, как меня срубило в сон.

* * *

Когда я открыл глаза, все тело мое невольно передернулось от страха. Только потом мой разум медленно пробуждался вместе со мной, вспоминая, где я нахожусь, что это за убогая хибара и самое главное – кто ее хозяин.

– Вставай, – услышал я голос Жана и инстинктивно обернулся на него.

Он стоял, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. На столе, где днем разложилось роскошное пиршество, сейчас горела лампа из красного стекла.

Свет inferнально очерчивал лицо Жана. Его сосредоточенное выражение встревожило меня, и я оглянулся на выход.

Дверь была открыта настежь.

Воздух успел достаточно остыть, чтобы прохлада мягко прикасалась к моему лицу, растерзанному палящим зноем.

Я принялся насилу подниматься. Несмотря на гнусную боль, мне было лучше – немало сил мне придала трапеза, свершившаяся накануне.

Жан перевел нелюдимый взгляд на меня, и я точно читал – разум его был занят чем-то иным, безмерно важным и далеким.

Я не знал, куда деть себя, как унять ноющую боль, и просто стоял, придерживая цепь, чтобы тяжелые звенья так мучительно не оттягивали мое истерзанное запястье.

– Пошли, – бросил Шастель, направившись к выходу мимо меня.

Я поспешил за ним.

Когда мы вышли из дома, на нас из темноты выбежали гиены, и Жан взвел руку и медленно ее опустил, унимая щенячий восторг своего зверинца.

Глаза быстро привыкли к ночному мраку. Жан брел своим широким скорым шагом безо всякой оглядки на меня.

Я пристально всматривался себе под ноги, боясь споткнуться о корягу или камень, но от моего внимания не ушла перемена в наших черномордых горбатых спутниках.

Гиены, будучи выпущены на волю, не резвились так, как это было днем. Первой моей мыслью было, что звери попросту устали с прошлой прогулки, но, приглядевшись, увидел, что твари поджимают уши и хвосты, и их осторожная походка суетливо семенила.

Вскоре мы снова стали спускаться вниз по пологому склону. По краям узкой тропки чернели кусты дикого шиповника, и сейчас растение напоминало мне морских ежей.

Я точно не знал этой тропы – я бы запомнил эти скорбные силуэты деревьев, которые застыли в неведомой мне и непонятной, но безумно живописной агонии.

От высоты и чистоты небосвода захватывало дух. Над нами открывался купол неба, о котором тоскливо мечтают астрономы на нашей хмурой северной родине. Небо было такого глубокого и непомерно сильного цвета, в который смотришь и не можешь поверить.

Я заметил несколько одиноко стоящих земляничных деревьев, которые тянули свои тела. Их стволы живописно гнулись, как будто бы от скуки, как будто их утомила эта широкая, раскрытая равнина.

Далекie рощи оливковых деревьев тянулись темно-синими зубчатыми рядочками, а уже за ними величественно восходили пологие склоны небольших гор.

Я от всего сердца любовался этим великолепием величественной вечной ночи, которая расстилалась и царила здесь. Все нутро мое подсказывало, что этот вид, как будто древний, давно забытый сон, будет последним, что я увижу.

Если раньше мне казалось, что звери как-то поубавили прыти, то сейчас я отчетливо видел – Жан преломляет их волю, заставляя следовать с нами.

Зверье робко семенило своими полосатыми лапами, будто бы здесь была огненная земля, и они не могли вовсе ровно стоять на одном месте. Становилось не по себе от этого поведения гиен, но от наблюдения меня отвлек резкий звук.

Мерзкий хруст вновь раздался, я невольно поморщился и обернулся на Жана. Шастель снова круто повел головой, разминая шею, и меня вымораживало от этого.

Мы стояли один на один с бескрайней равниной посреди полночной тьмы. Шастель сделал шаг, на который, видимо, ему было не так-то просто решиться. Ни звезды, ни тонкий месяц никак не могли развеять тот мрак, сквозь который я шел следом за Жаном.

Полагаться мне оставалось разве что на собственное чутье, ступая в кромешной темноте.

Порыв ветра зашуршал в сухом кустарнике, и я невольно вздрогнул всем телом и обернулся. Нервное истощение уже стало много сильнее меня. Мой взгляд скользнул по гиенам – зверье не отводило от нас своих маленьких черных глаз, которые поблескивали влажными бусинками в робком серебре месяца.

Мне не передать, что я испытывал, ступая по проклятой земле, проходя тот путь, которого страшатся дикие звери.

Мое сердце отчаянно и пылко желало, чтобы все уже закончилось. Любой исход был бы милосердным спасением по сравнению с этой мучительной слепой неизвестностью.

И будто бы моя безмолвная мольба была услышана.

Шастель замер, дойдя до какой-то невидимой грани, но я точно знал, что дальше нельзя было ступить ни шагу.

Воцарилась мертвая тишина, и никакой ветер не смел шептаться с сухой травой, ни одна ветвь оливы не дерзнула колыхнуться.

Жан обернулся на меня через плечо левой стороной лица, и сейчас его глаз светло-голубого цвета особенно чуждо гляделся на загорелом лице.

Решимость в его взгляде вспыхнула, и в нем дышала инфернальная сера – мне четко почувдился этот запах, что резанул нос.

Его хватка мертвым капканом вцепилась мне в плечо. Он грубо прихватил мою потертую пыльную рубашку. Ткань треснула, но это не помешало ему швырнуть меня перед собой.

Я не успел ничего сообразить, и уже был готов больно упасть наземь, как вдруг раздался сухой треск.

Агония охватила все тело и оглушила мой разум. Несмотря на то что мне посчастливилось грохнуться на бок, я не мог пошевелиться. Дыхание давалось с большим трудом – от падения поднялась горячая пыль, и грудь точно была придавлена неподъемным камнем. Я тщетно пытался вдохнуть.

Когда мой разум, охваченный неистовой лютой болью, постепенно прояснился, я с ужасом увидел Шастеля где-то там, над собой. Он стоял мрачной длинной тенью у самого выступа, глядя на меня сверху. Сам же я валялся в яме, в окружении обломков сухого дерева и земли с пожухлой травой, которые прикрывали эту ловушку.

«Вот каков вид из могилы...» – думал я, и странное чувство наполняло мой разум.

Помимо жуткого страха, подводящего меня к грани разумного, я испытал необычайную легкость от того, что свершилось, хоть я не имел ни малейшего понятия, что происходит.

Наконец моя попытка вздохнуть увенчалась успехом, и я хриплым вздохом жадно глотал воздух, когда до моего слуха донесся свист Жана, а затем последовал звук, которому я до сих пор не могу дать описания.

Это был не рык, никак не рык, нет. Наверное, удар отшиб мне голову настолько, что все мои чувства изменились, иначе я объяснить не мог. Невольно я обернулся на этот гулкий звук, и кровь застыла в жилах.

Я не был один в этой яме. Кто был там, в черном лазу в человеческий рост? Оттуда слышался этот утробный рычащий звук, под стать лишь созданиям самой преисподней.

Нет, Ад бы содрогнулся от ужаса, услышав то, что доносилось до моего несчастного слуха.

Я впал в оцепенение, боясь и страстно жаждая узреть того, кто таился там, во мраке. Затаив дыхание, я просто ждал, когда зверь явит себя. Сердце отбивало каждый удар в распущенном наслаждении. Подобно тому, как вино становится слаще с каждым глотком, каждый миг для меня был полон пьянящего восторга.

Я и сейчас не знаю, был тот зверь порождением тьмы, либо же тьма, вселенская тьма и морские глубины, – вся тьма была порождением того чудовища, что вышло ко мне.

Жуткий оскал окаймлялся черным небом. Губы монстра были рассечены много раз, и из-под них выступал вперед кривой и беспорядочный ряд клыков.

По бокам зверя тянулись длинные темные полосы, пересеченные шрамами от ножей и огнестрела. Все мое нутро содрогнулось от мысли, что эту тварь не берет ни штык, ни пуля.

Голова была опущена ниже шеи, и на меня тарасились в остекленевшей лютости два черных глаза. Этот взгляд пробивал на холодный пот, и я не мог пошевелиться, лишь биться в неконтролируемой дрожи.

Зверь качал головой, когда совершал свои медленные и неторопливые шаги ко мне. Каждый его шаг отвечал цоканьем длинных когтей по камню.

Оцепенев от ужаса, я был лишь бесправным и замороженным зрителем. Зверь явно вышел на меня.

Я не сразу расслышал зов, а когда расслышал, не мог поверить. Голос доносился откуда-то сверху. Это был Жан. Он что-то приказывал, бросал снова и снова короткое слово, которое выбило у меня из памяти навеки.

Зверь продолжал тараситься на меня не мигая. Я усомнился, что это был зрячий взгляд. Тварь, точно высеченная из камня, чуяла меня, в этом не было сомнения, и ей для того не нужен был свет.

Жан вновь окрикнул монстра ведомой лишь ему одному команде, и зверь едва-едва шевельнул ухом. Я был без понятия, к чему заговаривает Жан, но я не верил, не мог поверить, что безобразная горбатая сущность предо мной готова внять приказу человека.

Но Шастель вновь бросал вызов упрямости зверя, и наконец с его уст сорвался такой резкий окрик, что мое сердце содрогнулось в ужасе.

Я терял самообладание, и каждый вдох мне давался с немыслимым до этого дня усилием воли. Рассудок меня покидал, по крайней мере, я в этом был уверен, когда чудовище, наконец, моргнуло своими черными морщинистыми веками, медленно и неторопливо развернулось и, цокая когтями, скрылось обратно во мраке.

Тому видению я верить не мог, как и всем своим чувствам. Меня продолжала колотить дрожь, а в ушах стоял звон. Я закрыл глаза, желая, наконец, предаться сладостному забвению, чтобы боль и колотящий меня изнутри ледяной ужас наконец-то стихли.

Но моя рука, на которой оставалась цепь, дернулась, ибо с другого края потянули.

– Не спи, – приказал Жан, крикнув мне вниз и начиная тянуть цепь на себя.

Последние капли рассудка заставили меня собраться. Ожидать от Шастеля галантности я не стал. Напротив, страх, что он попросту сейчас поволочет меня и вывернет руку, заставил прийти в себя.

Любое движение пробуждало во мне боль, которая граничила с агонией. Я оставался в сознании буквально чудом. Не меньшим чудом было и то, что я успел внять голосу Жана, и когда он потянул цепь на себя, я оперся дрожащими от усталости ногами о склон. Руками я держался за цепь.

С помощью Жана я вылез из этой ямы и, боясь оглянуться, без сил рухнул бы на колени, но Жан придержал меня за плечо.

– Пошли, – повелел он, оглядываясь на гиен, которые боязливо сторонились той ямы, и я до сих пор не верил в то, что я смог выбраться.

* * *

– Что это было? – спросил я, откладывая пустую миску и вытирая рот тыльной стороной ладони.

Жан сидел напротив меня, как и я, на голом каменном полу камеры. Его задумчивый вид все же давал мне возможность предположить, что Жан сам очень доволен нашей вылазкой.

Все то время, пока я жадно поглощал принесенное мясо, рубленное в рагу, приправленное каким-то кисло-острым маслом, Шастель пялился перед собой на пустой каменистый пол.

Для меня, северного аристократа, даже деловая поездка в Алжир казалась бы огромным потрясением на долгие годы, что уж и говорить об этих злоключениях? Я был потрясен. Я еще не понимал, с явлениями какого порядка я столкнулся, и это осознание медленно приходило ко мне только сейчас, когда мы вернулись в мою камеру.

И я видел, что Жан тоже переменялся.

Мой вопрос заставил его поднять на меня свой взгляд, лютый и нелюдимый.

– Зверь, – коротко ответил Шастель.

– Зверь? – переспросил я, прекрасно расслышав голос мясника.

Жан невесело усмехнулся, откинул голову назад, упершись затылком о камень.

– Зверь, – повторил Шастель. – Пираты, с которыми мы бороздили моря, везли его здешнему безумцу. Турецкий паша жаждал иметь в своем зверинце самую преисподнюю. Где отловили звереныша – я не знаю, я был всего лишь юнгой. Паше привели чудище – оно было много меньше, где-то с молодого волка, не более. Выродок. Нет такого, нет даже похожего. Так вот, привести мы-то привели, а вот уже слуги паши удержать не смогли. Ни удержать, ни отловить потом. Так и поселилось это проклятье, и по ночам рыщет меж скал. Мне даже было на руку, что какие-то местные примечали тварь. Теперь мне было на кого валить пропажи.

– И ты решил подкармливать его? – спросил я.

Жан усмехнулся и пожал плечами.

– Ты же его видел, белоручка. Чего спрашивать? – Шастель помотал головой. – Нет, нет... Зверь сам себя прокормит. Зверь засел в катакомбах, которые вырыли пираты для хранения своего добра. Я знаю, по крайней мере, пять лазов, к которым я иногда подстраиваю ловушки. Привожу к нему гостей вроде тебя. Если ночью приведу кого, почти всегда выходит. А так, зверь тут вольно рыщет ночами, ища, чем поживиться и поразвлечься.

Слушая рассказ разноглазого мясника, я боялся шевельнуться, боялся, что мой вдох или выдох слишком громкий.

Перед глазами снова стояла та тварь, уставив пустой взгляд, от которого обдавало обжигающей стужей. От одной памяти о звере, я невольно обнял себя руками, и по телу прокатилась дрожь.

– Я хочу его приручить, – добавил Жан, несколько погодя.

Тут уже усмехнулся я. Это звучало кощунственно амбициозно, даже для типа вроде пройдохи Жана.

– И как успехи? – спросил я.

Жан опустил голову и подался чуть вперед, окидывая меня взглядом с головы до ног. Губы искривились в ухмылке.

– Сегодня зверь впервые отказался от добычи, – удовольствие отчетливо слышалось в его низком звучном голосе, и у меня по спине пробежал холодок.

Воспоминание от той твари, от его замершего, стеклянного взгляда вновь вселило дрожь в мои похолодевшие руки.

– Я приказал, и он не стал жрать, – победоносно и гордо заявил Шастель.

Он явно гордился своей победой, а мне льстила мысль, что я был причастен к этому триумфу. С искренней улыбкой я приподнял дрожащие руки, гремя цепью, которая по-прежнему сковывала нас, и начал аплодировать в меру своих сил.

– Уймись, – хмуро, но все равно с улыбкой и в голосе, и на лице отмахнулся Жан.

– Поздравляю, – молвил я, кладя руку на сердце.

Шастель усмехнулся.

– Кажись, я слишком уж приложил тебя, – бросил Жан и покрутил пальцем у виска. – Вот ты и рехнулся.

– Не вини себя, месье, – произнес я, пожав плечами, и тотчас же тысячу раз раскаялся.

Поведя лопаткой, я, кажется, совершил какое-то роковое шевеление. Всю спину и левую руку пробило неистовой и беспощадной судорогой. Я зажмурился и простонал от боли сквозь стиснутые зубы.

Мои муки проистекали под холодным, но все же уже не презрительным взглядом Шастеля.

Наконец боль унялась, и я перевел дух.

– Пора прощаться, – произнес Жан.

Я кивнул.

– И в самом деле, я у тебя засиделся, – согласился я. – А сколько обычно ты держишь при себе гостей?

– Недолго, – сухо ответил Жан, и, опершись о колено, поднялся в полный рост.

Я поднялся сквозь ломящую боль во всем теле, и мы направились к выходу. Мельком я заметил свой пистолет, который Жан, разумеется, не собирался отдавать. Меня немного оскорбило, что Шастель все еще держал при себе оружие. За все время я ни разу не вынудил его обратиться к нему.

Это выглядело глупо и, если честно, действовало на меня довольно утомительно и удручающе. В конце концов, он мог бы уже поверить в то, что я не сбегу, чтобы я, разумеется, удрал бы при первой возможности. Но, видимо, у Жана были большие проблемы с доверием. В целом мне особенно нет дела до того, как близко люди готовы открыться этому миру, но мнительность Шастеля сейчас стоила мне жизни.

Когда я прошелся по камере до коридора, мои ноги подтвердили мои самые скверные опасения. Шаткость моей походки была пугающей. Я едва-едва переставлял ноги и с каждым шагом так и норовил подвернуть лодыжку.

В коридоре слышался храп – и по углам, в открытых камерах, спали гиены.

Жан бегло оглядел своих питомцев, быстро пересчитав их в уме.

Когда мы вновь взошли по ступеням, нас встретило ласковое закатное солнце. Жара стихала.

Я вдыхал спокойный вечерний воздух. Глубокий вздох напомнил об отбитых ребрах, что заставило поморщиться, а в глазах ненадолго потемнело.

Когда мы развернулись в сторону моря, я тяжело встал на месте и мотнул головой.

– Жан, я не преодолею спуск по утесу, – произнес я.
– Мы пойдем к другому берегу, – заверил меня Шастель.

Я слабо улыбнулся и кивнул.

Жан не обманул меня, и мы в самом деле не стали идти к крутому скалистому утесу и дикой бухте.

Вместо того мы пошли другой тропинкой. Я смотрел себе под ноги, которые едва-едва волочились от усталости.

Мы вышли на другой берег, более длинный и открытый. Жан молча кивнул на старую лодку, которой, судя по ее состоянию, уже не суждено пуститься вплавать. Мы сели, будто бы на весла, и стали смотреть на закат, который догорал в высоком-высоком южном небе.

Водную гладь пересекали шхуны и фрегаты. Отсюда они казались моими игрушками, которые прямо сейчас где-то пылятся уже несколько лет в далекой Франции.

Блеснула первая звезда.

Жан шевельнулся и вздрогнул. Он взял меня за руку, довольно грубо и болезненно развернув ладонью к себе. Мясник снял с пояса ключ, открыл замок и похлопал меня по плечу.

От боли снова потемнело в глазах, и я не понимал взгляда. Я потер запястье, избитое и потертые неровными звеньями.

– Ну что, Этьен? – спросил Жан и глубоко вздохнул.

Цепь грохнула на пол, и Шастель принялся отстегивать собственную руку.

– Спасибо, Жан, – кивнул я, поднимая взгляд на одинокую звезду, что плыла в вечеряющем небе.

Шастель глухо усмехнулся, резко тряхнув головой и убирая жесткие пряди назад.

– Нет, правда, – угадав насмешку мясника, произнес я, прикрывая веки.

Заламывая пальцы, я слушал ласковый прибой и отдаленный крик чаек. Резкий грохот вновь раздался прямо передо мной. Признаться, я был удивлен, когда увидел свое оружие, брошенное мне под ноги.

– Твое, – Шастель кивнул впереди себя.

– А толку? – улыбнулся я, поднимая пистолет.

Жан улыбнулся, вставая со своего места. Потянувшись, он вновь хрустнул шеей.

– Гуляй, – произнес Жан, тряхнув плечами.

Я поднял на него взгляд и сглотнул, хмуро сведя брови.

– Гуляй, – уже приказал он.

Мое недоумение сковывало меня.

– Тебя зверь жрать не стал, – бросил Жан, выступая прочь из лодки. – Что-то с тобой не так, Этьен.

С этими словами он ушел прочь, оставив меня одного на берегу.

* * *

Прошло два дня с того момента, как люди моего отца нашли меня на каменистом берегу, в лодке.

Помню, как я в порыве неутолимой жажды припал к кожаной фляге, выпив за раз больше собственного предела. Люди слишком поздно отстранились, и меня стошнило желчью и кровью.

Я не помнил дороги ко дворцу, но как только меня оставили в покое, я провалился в глубокий сон. В моей памяти живут смутные отголоски разговора с отцом, но никакого содержания в моем сознании не сохранилось.

До сих пор боюсь, что сболтнул чего лишнего о тех видениях, которые мне явились, о звере, что рыскает в здешних краях под покровом беспробудной тьмы и о разноглазом мяснике, чья воля смиряет диких зверей.

Мой сон был крепок и безмятежен, а проснулся я на полу вместо мягкой кровати. Судя по ушибленному боку и синяку на руке, я грохнулся, пока ворочался от забытого кошмара. Мутный разум гнетуще и мучительно обращал меня в реальность.

Мы собирались отправляться со дня на день, как только кузен вернется с охоты. Он прочесывал побережье с группой охотников, выискивая преступника. Я содрогался от мысли, что такой человек, как мой кузен, вышел на охоту на такого человека, как Жан.

Мне было сложно представить, кто из этих смельчаков находится в большей опасности.

В конце концов, я убедил отца, что мы и так задержались в этом проклятом Алжире, и нам пора возвращаться домой любой ценой.

Отец внял моим уговорам, в отличие от кузена, связь с которым мы поддерживали через посыльного, – сам Франсуа не возвращался в город, а жил в лагере, где-то там, на восточном утесе.

Моему отцу хватило решимости отдать приказ, вернуть Франсуа любой ценой. В итоге пришлось буквально притащить его к кораблю, который был готов к отплытию, и мы ждали лишь кузена.

– Я подстрелил его! – негодовал Франсуа, когда я пришел его навестить. – Мы взяли кровавый след, и собаки четко вели нас!

Мой искренний интерес всецело отражался на моем лице, когда я подсел ближе и внимал каждому слову.

Франсуа сокрушенно опустил руки и тяжело вздохнул, мотая головой.

– След четко вел нас до равнины, а потом собаки, верно, почували еще что-то... – вздохнул кузен, разводя руками. – Бесполезная скотина... на них нашла трусость, за такое охотничью псину по-хорошему стрелять надо...

– Вы же не... – затаив дыхание, спросил я.

– Нет, – отмахнулся Франсуа. – Еще пулю тратить на этих шавок...

У меня от сердца отлегло.

– Может, они почували какого-то хищника, вот и затрусили? – предположил я.

– Какая разница... Этот ублюдок, который похитил тебя, все еще на свободе... – бормотал Франсуа.

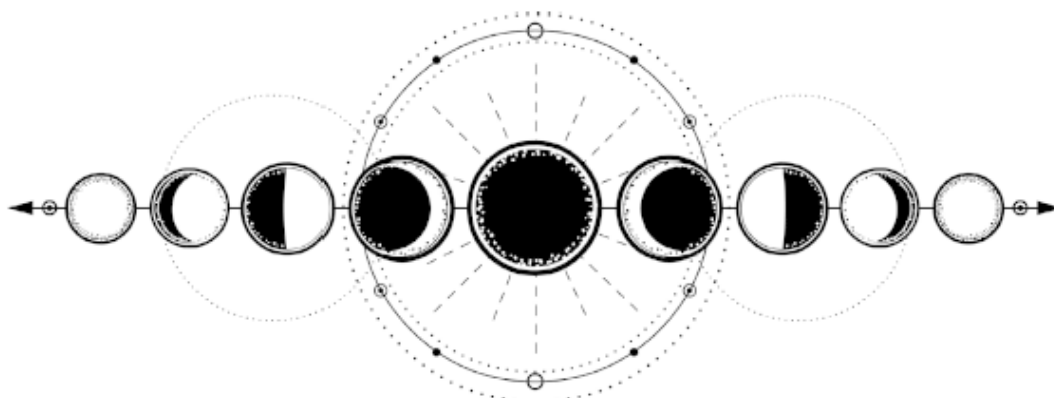
Я положил руку на плечо брату.

– Доверь мечь Господу Богу и душу свою не отравляй бременем сим, – зачитал я по памяти нашего проповедника.

– Аминь... – устало выдохнул кузен, окидывая меня добрым взглядом.

Мы крепко обнялись, и хоть мое тело заныло разом всеми ушибами, причиненными мне накануне, я закрыл глаза на эту боль, боясь смутить своего любимого кузена. Не знаю, подозревал ли Франсуа в полной мере, чем рискует, прочесывая горы, но этот поступок сильно отпечатался в самой глубине моего сердца. Мы отплыли, оставляя позади Алжир, проклятый утес и того жуткого разноглазого мясника с рынка, которого я вспомню еще не раз.

Часть 2. Albedo²

Глава 2.1

1752 год.

Франция.

Поместье семьи Готье.

Дыхание никак не хотело восстанавливаться. Как будто сердце, легкие, все нутро горело, рвало и ломилось в болезненной метаморфозе, а ведь любой значимой метаморфозе следует быть болезненной. Разбудил ли кого-то мой крик – неизвестно. Сердце, хоть и успокаивалось постепенно, все равно жутко колотилось. Руки тряслись и покрылись холодным потом.

Недовольно рыкнув себе под нос, я поднялся с кровати и подошел к окну. До зари было еще далеко, и тяжелый вздох сорвался с моих губ. Недовольно скрестив руки, я поглядел на свою кровать, и чем дольше я любовался изломанным и пластичным рисунком измятых простыней, тем больше уверялся в том, что нынешняя ночь станет для меня бессонной.

Причина горячего полубезумного пробуждения заключалась как раз в излишней мягкости моего ложа. Тело как будто проваливалось сквозь. Подобные «падения» чудятся не мне одному, и исключительного в том ничего нет. Однако, когда я совладал с собой и сел в кровати, надеясь, что проснувшийся рассудок все расставит по местам, меня постигло чудовищное разочарование.

Я так и не решусь утверждать, вещи ли проходили сквозь меня, будто бы не имели никакой в себе материальной структуры, либо я обратился пустым местом, не более чем призрачной тенью. Быть может, кому иному придет на ум еще более вразумительное объяснение, но не мне.

Не чувствуя ни себя, ни окружающей меня реальности, я силился не поддаваться оглушительному приступу ужаса и отчаяния, нахлынувшему на меня ни с того ни с сего. Мне пришлось со страхом хвататься за одеяло и простыню, прежде чем ощущение реальности ко мне вернулось. Я так и стоял, пытаясь все еще совладать с пережитым ужасом, когда в коридоре послышались шаги. Закатив глаза, я поджал губы. Меньше всего мне хотелось перебудить весь замок, а особенно моего папу, который всегда страдал чутким сном.

² С латинского буквально «белый цвет». Алхимический термин, символизирующий очищение и начало сознания. Является вторым этапом создания философского камня. (Прим. ред.)

Именно он, мой дорогой отец и глава семейства Готье, стоял на пороге моей спальни, накинув бархатный халат поверх белой сорочки. Подле него стояла служанка, которая, очевидно, и подняла графа посреди ночи, испугавшись криков из моей спальни.

– Все в порядке, – произнес я, упреждая вопросы родителя. – Прости, что разбудил.

– Ты кричал? – встревоженно спросил отец, заглядывая мне в глаза.

– Нет, я не... В смысле, я не знаю, – пробормотал я.

Кажется, эти слова только, напротив, усугубили его опасения.

– Этьен, мне страшно оставлять тебя одного, – с тяжелым вздохом признался отец. – Эти припадки не прекратились после Алжира, вопреки твоим заверениям.

– Пап, я не рехнулся, – отрезал я.

– Если так продолжится, рехнемся мы оба, – хмуро произнес он.

Я невесело усмехнулся. Отец было жестом пригласил меня сесть на край кровати и сам направился к ней, но я пригласил его сесть на длинный жесткий диван с низкой спинкой, что стоял вдоль стены под растянутым над ним гобеленом.

Я опустил голову, прислонившись затылком к холодному камню, чувствуя, как прохлада проходит сквозь меня, успокаивая беспокойный ум. Согласившись со мной, он сел подле меня и тяжело вздохнул, сложив руки перед собой в замке, а локти уперев в колени.

– Что с тобой случилось в Алжире? – осторожно спросил он.

По спине пробежал холодок, и я сам не заметил, как мои руки вновь затряслись, как при лихорадке. С губ сорвался резкий хриплый смешок, а плечи дрогнули в каком-то даже мне непонятном жесте.

– Я вам все сказал, – произнес я, проводя рукой по лицу, – но вы не верите.

– Как нам поверить? – спросил отец. – Как? Люди прочесали все побережье, там не было ни хижины, ни катакомб. Ты же был там, Этьен? Ты же сам привел нас к пустым скалам.

– Ага, – усмехнулся я, подавшись вперед и обхватив голову руками. – Запри меня уже в дурдоме среди безумных лунатиков.

– Прекрати, – хмуро возмутился отец. – Не смей так говорить, Этьен. Зря я поднял это...

Я перевел взгляд на отца и совестливо сглотнул.

– Пап, – произнес я и, как только он обернул свой изможденный взгляд на меня, продолжил: – Мы оба слишком устали. Надо отдохнуть.

Он сделал глубокий вдох и кивнул. Может, я обманывал себя в царящем вокруг полумраке, но мне хотелось верить, что отец слегка улыбнулся, самым краешком губ.

– Что бы там ни случилось, пускай забвение сожрет бывшее, – произнес я, потягиваясь и разминая шею.

– Поэтично, – по-доброму улыбнулся отец.

* * *

Привезя из Алжира диковинные драгоценности, расписанную вручную плитку и яркие краски, которых не мог сыскать в Европе, я привез оттуда и демонических призраков, с которыми мне предстояло теперь как-то уживаться.

Столкновение с разноглазым мясником Жаном и его чудовищами не могло не сказаться на мне, как бы сильно я того ни желал. Но моя жизнь продолжалась здесь, на севере, вдали от проклятого утеса, вдали от каменистого побережья, на котором под палящим солнцем гнила дохлая рыба, а черномордые гиены рыскали с дозволения своего хозяина.

Не зная природы своих страхов, я должен был изобрести от них спасение. Мне пришлось пойти на поводу у собственных предчувствий, ибо я не знал иной борьбы с приступами бессонницы и этого состояния, когда я становился бесплотным призраком. В особо жуткие эпизоды меня вело настолько, что я даже, помнится, мог видеть себя со стороны.

Вот тут я точно понял, что Алжир стал роковой точкой в моей жизни, и я, наивный юноша, даже представить себе не мог, насколько это путешествие определит мою дальнейшую судьбу.

Сейчас же я остался один на один со своими душевными недугами, и решение даже мне казалось причудливым, чего уж говорить о моем несчастном отце?

Я велел постелить мне прямо на холодном каменном полу. По моему замыслу, мое тело, изнеженное мягкими и податливыми перинами, будет много строже относиться к законам реальности, если будет постоянно ощущать более жесткую опору под собой.

На удивление это помогло, хоть и не сразу. Первые несколько ночей я крутился, все избирая позу, как бы не упираться о камень. С раннего детства я был тем самым мальчишкой, о котором говорят «кожа да кости». Сейчас мое сложение несколько поправилось, но худоба, присущая нашему роду, сейчас давала о себе знать.

Ночь на четвертую я подумал – не бросить ли всю затею? Меня почти что одолела стыдливая глупость этой борьбы с врожденной костлявостью.

На пятую ночь я поклялся бросить глупую мысль и спать по-человечески, в кровати, на мягкой перине, как подобает любому юноше моего происхождения, но на шестую ночь остался спать на полу, решившись все завершить поэтично на седьмую ночь.

Когда я проснулся, я сел на полу и тупо смотрел перед собой. Перебрав все тщетные попытки припомнить свой ускользающий, и, видимо, навсегда ускользнувший, сон, я внезапно пришел к озарению.

Вот уже прошла первая неделя с тех пор, как я вернулся из Алжира, чтобы меня, да и несчастных близких, не ужасали мои полуночные вопли и полубезумные пробуждения.

Перемены в моем поведении не могли не радовать отца. Он с большим участием следил за моим самочувствием, стараясь при этом не быть слишком навязчивым.

После обеда мы проводили время вместе в его кабинете. Отец разбирал письма и бумаги, а я, будучи от природы неспособным попросту вести какое-либо дело, полулежал в кресле, закинув ноги на один подлокотник, а голову опустив на другой.

Изредка мы перекидывались парой слов, но не более. Мы оба предпочитали тишину за работой, и даже спокойный умеренный разговор, продолжающийся слишком долго, рядом со мной был способен знатно мне подействовать на нервы.

Отец же обладал большей выдержкой, но это вовсе не был повод испытывать его на прочность.

Я лежал в кресле, покачивая ногой, с которой уже спала мягкая бархатная туфля, но я был слишком увлечен чтением, чтобы даже заметить это.

В моих руках находилось настоящее сокровище, чудом уцелевшее в годы рьяного обострения цензуры, когда его величество Людовик Возлюбленный в приступе особенно богобоязненного настроения уничтожил добрую половину трудов, подобных тому, что сейчас я читал.

Эта книга была посвящена таинству Великого Делания, фундаментального понятия в алхимическом искусстве. Моя душа особенно пылала страстью к подобным откровениям. Будучи человеком по природе отнюдь не расточительным, я не вел счета деньгам, когда речь касалась подобных памятников литературы.

Труд представлял собой сборник эпиграмм, в которых были зашифрованы свойства металлов и веществ.

Помимо текстов меня поражали иллюстрации к каждой из них.

Все мое внимание было приковано к двадцать четвертой эмблеме с изображением волка, пожирающего человека в короне. На заднем плане тот же самый человек выходил из огня невредимый.

Я с пристальным вниманием рассматривал гравюру и, ведомый прильнувшим к моему сердцу порывом, осторожно коснулся кончиками пальцев бумаги.

Вложив закладку, я закрыл книгу, будучи твердо уверенным в том, что стоит пока уложить все, что уже успел прочесть, в своей голове.

Я поднялся с кресла, потянулся, надел обувь, поддев свалившуюся туфлю носком, и принялся прохаживаться по кабинету, держа драгоценную книгу под мышкой.

– Наскучило? – спросил отец, приподнимая взгляд от письма.

Я удивленно вытаращился на него, круто повернувшись на пятках.

– Боже, нет, – сразу же ответил я. – Мне надо перевести дух.

Отец кивнул и вновь опустил голову, склонившись над бумагами.

– Не клади ее на видное место, – предупредил меня он, обмакнув перо в чернила.

– Буду беречь, ценою жизни, – драматично вздохнул я, прижимая к сердцу сокровище.

– Гляжу, ты приходишь в себя, – со слабой улыбкой произнес отец, но сразу же его лоб рассекли хмурые морщины, а взгляд забегал с одного листа на другой. Видимо, где-то там, в расчетах, затесалось несоответствие, которое надо было разрешить как можно скорее.

Я подошел к нему и посмотрел через плечо, проглядывая упорядоченные строчки.

– погоди, вот здесь, – произнес я, заметив не по смыслу, но по цвету чернил заметную странность.

Общее полотно темно-серого текста разлилось с маленьким куском, в котором говорилось о количестве малолетних работников на фарфоровой мануфактуре во Франкфурте.

Цвет чернил отличался не так уж и рьяно, чтобы замысленный взгляд отца приметил его.

– Вот где настоящая чертовщина, а не эта твоя алхимия, – вздохнул отец.

Я усмехнулся и похлопал отца по плечу.

– Что ж, оставляю тебя наедине с твоими демонами, а меня ждут мои.

Отец отпустил меня коротким кивком, даже не подозревая, насколько я был в тот момент серьезен.

* * *

Сегодня был особенный день и для меня безумно долгожданный. Я с пылким сердцем и чистой душой припадал в молитве, чтобы послать ангелов-хранителей всем, кто причастен к моему делу, ведь им точно не помешало бы ни заступничество земное, ни заступничество небесное.

Пасмурные тучи так и грозились испортить дороги, но благо сбылось милосердное чудо, и мои люди уже сегодня прибыли к нашему замку.

Я стоял на крыльце, накинув на одно плечо сюртук поверх белой блузы с высоким воротником-жабо. Мне даже боязно представить, сколько времени я провел вот так, в тревожном ожидании, когда уже явится мудреная повозка, и вот, вся она прибывала к крыльцу моего замка.

Колеса остановились с пронзительным скрипом. Меня удручил вид лошадей. Им, беднягам, не повезло с такой непомерной тяжестью, которую их запрягли тащить.

От сердца немного отлегло, когда мои конюшие быстро подоспели и приняли на себя заботу о загнанных жеребцах.

Тогда уже я мог без задней мысли предаться своему ликованию, оглядывая ту самую непосильную ношу.

На колеса были поставлены тяжелые клетки, в которых металась уже мои старые приятные знакомцы. Я все ждал, когда невежественная чернь из прислуги спросит, что это за собаки, и я отвечу, что это вовсе не собаки, а гиены из далекого Алжира.

Но моим намерениям было не суждено сбыться – кучеры были сильно загнаны долгой непрерывной ездой, и уж суть их ноши, какой бы удивительной и экзотической она ни была бы, их ничуть не волновала.

Глубоко вздохнув, я отдал приказания своим здоровякам погрузить клетки на небольшие, но прочные колеса и затащить в замок.

Чего не сказать о двух горничных. Женщины были уже немолоды и, видно, заслышав какое-то оживление в коридоре, вышли поглядеть что к чему. Звонкий визг славно озарил стены замка, едва горничные разглядели через решетку сутулых гиен.

– Мадам, заверяю вас, – с улыбкой произнес я, положив руку на сердце. – Клянусь вам, звери не потревожат вас никоим образом. Те строительные работы, что кипели и днем, и ночью в подвалах, – и есть мои заблаговременные приготовления к приезду этих экзотических питомцев. Боже, мадам, вы так бледны, должно быть, переутомились. Прошу прощения, мне надо помочь там, внизу. Доброго дня, прошу, переведите дух, мадам!

Конечно, эти горничные не были единственными, кто в замке был в ужасе от новых жителей родом прямиком из солнечного рокового Алжира.

Пока мы шли к подвальным помещениям, то и дело доносились вопли и вздохи ужаса. Мне льстила, безмерно льстила подобная реакция.

Моим рассказам о плене у заклинателя гиен никто не поверил. Тогда я решил не биться ни с кем и согласился с тем, что эти видения попросту были навеяны моим разумом, который, очевидно, крайне редко пребывал в здоровом состоянии.

– Какого черта ты приволок в дом этих уродских псин, Этьен? – услышал я голос отца и жестом показал слугам, что они могут взять небольшую передышку.

– Это гиены, – гордо ответил я, указывая на тяжелую клетку. – Из Алжира.

Лицо его сразу переменялось от одного только упоминания этого города. Плечи заметно поднялись и опустились.

– Боже, – пробормотал он, потирая переносицу. – Вот к каким «питомцам» шли приготовления в подвале?

– А я разве не говорил? – как будто бы удивился я.

Отец скрестил руки на груди и абсолютно точно не разделял и крупицы того восторга, который испытывал сейчас я.

Гиены обнюхивали здешний воздух и выглядывали сквозь прутья, так и норовя ускользнуть прочь. Но, будучи безмерно впечатлен своими алжирскими злоключениями, я был решительно готов к любой хитрости, которую бы собрались учудить зверюги.

– Тут их две породы, – продолжал я, чтобы как-то скрасить тишину, ставшую между нами, – которые поменьше – они с юга, а более крупные, с пятнами, они как раз из тех мест, где мы были.

Тяжелый взгляд моего отца безмерно и живописно твердил о недовольстве подобным приобретением.

Вдруг что-то переменялось в его взгляде, и светлые брови свелись еще более хмуро.

– Почему их так много? – хмуро спросил он, оглядывая клетки, – Только не говори, что ты собрался их разводить.

– Тогда молчу, – я пожал плечами, любовно вглядываясь меж прутьев.

К сожалению, зверье было настроено довольно злостно, и стоило мне чуть приблизиться к клетке, как зверюга на меня оскалилась и клацнула так близко, что слюна осела пятнышком на моем рукаве.

Усмехнувшись, я отпрянул назад. Когда я взглянул на отца, с удивлением обнаружил, что он ничуть не разделяет моего восторга относительно партии этих прекрасных экзотических хищников.

– Почему ты не мог увлечься лошадьми или охотничьими собаками? – причитал, верно сам себе, мой дорогой отец.

Я пожал плечами, закатывая рукава.

– Я не такой славный наездник, и охотник из меня тоже скверный. Зачем они мне? – спросил я.

– А на гиен у тебя, боюсь спросить, какие планы? – трагически вздохнул отец.

Эти слова отозвались мягким радостным теплом, какое присуще накануне долгожданного праздника или встречи с любимым человеком после долгих лет разлуки.

Глубокий вздох наполнил всю мою душу радостным и светлым чувством, и я знал, что мне не с кем разделить наконец-то обретенную радость жизни.

Именно в это мгновение я ощутил себя свободным человеком, хоть и холодное отчуждение нависало надо мной бледной тенью.

– Никаких. Они просто мне нравятся, – молвил я, заглядывая сквозь прутья на самую большую отраду своей жизни.

Отец же мучительно вздохнул, возводя глаза к высоким сводам.

– Все же приглядишься к андалузским скакунам, – произнес отец. – Но, впрочем, делай что хочешь. Но чтобы в обществе о твоём зверинце не знали. Эти твари опасны, и когда до его величества дойдут об этом слухи, всех гиен пристрелят, Этьен.

Энтузиазм охладился жутким предостережением.

– Не скрою, мне они не по душе, – продолжил мой родитель, положив руку на сердце, и голос его, видимо, смущенный моим испугом, несколько смягчился. – Даже больше, эти твари – прямое доказательство, что ад есть, и твари преисподней бродят по нашей земле.

– Как ты сегодня поэтичен, – с улыбкой ответил я, тихо аплодируя отцу, стараясь переменить тон беседы.

Будь моя воля, я бы попросту развернулся и пошел прочь, так сказать, «на английский манер», и не говори я сейчас с отцом, так бы и поступил.

Он же оставался серьезен, когда отдал мне поклон. Мы посмотрели друг другу в глаза, и меня разобрала веселая, но нервная усмешка – уж настолько меня переполняли ребяческий восторг и радость от этих самых тварей преисподней.

– Прошу, будь благоразумен, – произнес отец, и я услышал редкую для его холодного голоса заботу и нежность. – Даже слухи об этих зверях должны остаться в стенах нашего замка.

– Я буду благоразумен, – пообещал я, положив руку на сердце.

– И ты даже при мне суешься к ним, как к домашним догам. Это звери, Этьен. Прошу, береги себя, – произнес он, заглядывая мне в глаза.

Я обнял отца, как я часто поступаю, когда мне сложно выдерживать чей-то взгляд на себе. Мы обнялись, и я со слугами продолжил шествие вниз, в мрачные подвалы.

От здоровяков требовалось немало сил и ловкости – гиены, истомленные неволей, уже проснулись и метались внутри клеток, доставляя немало проблем. Это неуместное оживление едва не привело к гибели – двое парней чуть не были придавлены своей тяжелой ношей, но, слава богу, все обошлось.

Я щедро выделил целый погреб для своих новых питомцев. Всего их было шесть особей, две из которых мне быстро полюбились большим размером тела и крепкими белыми зубами.

Размещая всех животных, я лично проследил, чтобы гиен посадили на цепь достаточно длинную, чтобы звери могли спокойно ходить или даже немного пробежаться по камерам.

Увидев своими глазами, что просторы нашего погреба и длина цепей полностью совпали с моим замыслом, я испытал восторг и крайнее довольство собой.

Распорядившись о кормежке, я с удовольствием наблюдал, как теперь уже мои гиены предаются с дороги долгожданной трапезе.

Наверное, я провел многим больше часа и, скорее всего, провел бы еще больше, однако ко мне явился слуга. Он не сразу начал свой доклад, а, замерев на пороге, пытался понять, что за зверье теперь будет соседствовать с ним в этих подвалах.

– Что? – спросил я, стараясь хоть немногим развеять замешательство, охватившее слугу.

Юноша сглотнул, верно, припомнив уроки благонаравия о том, как неприлично пялиться, особенно на вещи своих господ. Он поднял взгляд, и я понял, что мальчишка сбит с толку увиденным.

– Ты что-то хотел сказать? – предположил я, пытаюсь помочь юнцу припомнить его поручение, и, видимо, мне удалось.

Тот часто закивал.

– Месье де Ботерн, ваша светлость, ваш кузен, прибыл и ожидает в белой гостиной, – доложил слуга.

– Пошли, – произнес я и, окинув своих питомцев прощальным взглядом, взобрался по лестнице, перешагивая через несколько ступеней.

Я направился в белую гостиную, где меня ожидал мой милый кузен Франсуа. Настроение у него было безмерно светлое и радостное. Мы крепко обнялись, поцеловались в щеки и сели за низкий столик с мраморной столешницей.

Нам принесли чай с лавандой, и мне все не терпелось выслушать, что же решил Франсуа.

– Пока что нет, – угадывая мой вопрос, вздохнул кузен.

– Так и знал, – цокнул я, откинувшись со своей чашкой и блюдечком на спинку кресла.

– Если бы решение влияло лишь на мою жизнь – так плевать, – пламенно и вполне справедливо произнес кузен. – Но черт вас всех дери, тут замешаны обе семьи!

– И обеим семьям будет выгоден ваш союз с очаровательной, просто милейшей Джинет, – заметил я, поглядывая в свою чашку.

– Ее происхождение... – начал Франсуа, но я закатил глаза и попросту не дал ему закончить.

– Братец, милый, посмотри на меня, – вздохнул я. – Я здесь, чтобы озвучить твои мысли. Тебе хватает здравого смысла прийти к моим же доводам, но почему-то вы все боитесь произнести это вслух. В общем, я к твоим услугам, Франс.

Кузен глубоко вздохнул, потирая переносицу, но не предпринял никакой попытки перебить меня, и потому я продолжил.

– Джинет де Ботерн будет любящей женой и заботливой матерью, – я старался вложить столько искренней мягкости и заботы в эти слова, насколько я был способен.

Кажется, это произвело славное впечатление на Франсуа – кузен поднял свой сосредоточенный взгляд.

– Я рад, что ты так ответственно думаешь о ее происхождении. Но, право, дорогой, века, когда все решала лишь чистота крови, давно позади, – вздохнул я не без трагичной нотки в голосе и сделал несколько осторожных глотков. – Ее отец – честный делец и пользуется доброй славой в наших кругах. Никто не посмеет осмеять тебя за этот союз. Правда, Франс, не посмеет.

Я знал, почему Франсуа не отвечает ничего, я знал, о чем он молчит. Что ж, ему виднее, стоит ли делиться секретами подобного толка или нет, я продолжу делать вид, что попросту не в курсе.

– В конце концов, мой милый брат, – произнес я, закидывая ногу на ногу и оправляя рукава своей блузы. – По праву происхождения ты, Франсуа де Ботерн, в праве выбирать, а не довольствоваться.

Мои слова попали слишком точно. Кузен поджал губы и решительно кивнул.

* * *

Мы думали провести с Франсуа остаток дня на открытом воздухе. Кузен даже собирался запечатлеть в своих набросках деревья из нашего сада, но пленэр был испорчен силами абсолютно нам неподвластного порядка, а именно – начался дождь.

Мелкая морось довольно скоро сменилась тяжелым ливнем, которым небеса уже грозились с самого утра.

Мы с Франсуа пошли в гостиную, названую мною восточной. Мы кинули большие подушки на пол, который уже был застлан пестрыми персидскими коврами. Рухнув, мы какое-то время просто ждали, когда нам принесут горький кофе в маленьких турецких чашках.

Сильно позже, когда уже перевалило за полночь, к нам присоединился мой отец. Он, конечно же, был безмерно рад видеть ненаглядного племянника.

Мои глаза уже слипались от усталости, и кофе не мог меня больше бодрить.

Я молча сидел и слушал, как отец и кузен начали беседовать о делах. Такие разговоры в купе с нахлынувшей усталостью легко сморили меня, и я уснул прямо так, не раздеваясь, что было, впрочем, довольно скверной ошибкой.

С утра у меня болела шея, ибо я не нашел ничего лучше, чем подложить под голову первое, что попадет под руку. К несчастью, под руку попался маленький жесткий пуф. Помимо жуткой боли в позвонках, на половине лица отпечатался узор крупного плетения.

Я недолго разминал шею, чтобы она уж так ужасно не ныла. Все же мне повезло, и боль довольно скоро отступила, а вместе с ней и скверное настроение.

* * *

Дозывать кого-то из слуг мне не хотелось, поэтому я сам налил себе холодной фруктовой воды, смочил виски. Голова медленно остывала. Я с облегчением вздохнул, выходя на каменный балкон. Одет я был, скажем, не по погоде, а посему утренняя прохлада ядрено пробрала меня, чему я был несказанно рад.

Немного поразмявшись, я вернулся в замок и, все так же избегая любого общения со слугами, пошел искать отца и кузена, которые, согласно моему предположению, прямо сейчас где-то премило ворковали.

Ступал я в мягких восточных туфлях, которые нравились мне куда больше европейского каблука, и сейчас эта обувь пришлась как никогда кстати.

Гулкие коридоры донесли до моего слуха знакомые голоса, и я, осторожно ступая, разыскал нужную мне комнату. Мне посчастливилось остаться незамеченным.

– Не думаю, – услышал я голос отца.

– Только Господу ведомо, что там случилось, – произнес Франс. – Ведь ты сам не дал мне отловить и...

– Остынь, Франс, и оставь месть Господу, – произнес отец. – Большое милосердие Небес, что наш Этьен вернулся. Что бы там ни было, пусть это останется в Алжире.

На моих губах невольно всплыла улыбка.

Даже я сейчас, оглядываясь назад, с трудом верю, что я действительно провел несколько дней на цепи. Довольно часто я сомневаюсь в своем рассудке и памяти, и история с Алжиром отнюдь не является исключением. Слава богу, у меня есть радостное напоминание о том, что все, случившееся со мной, правда. А именно – на моей руке, на самом запястье остались отметины от той самой цепи, к которой я был прикован.

Но если для меня это доказательство является жестким и неоспоримым, то ни отца, ни моего любезного кузена шрамы, если и впечатлили, то не заверили в правдивости моих слов.

– В нем что-то переменялось, и это пугает меня. В смысле, еще больше, чем обычно, – тем временем продолжал мой отец.

Я невольно приоткрыл глаза от изумления и, затаив дыхание, продолжил подслушивать.

– При всем уважении, дядя, но Этьен всегда был... не таким, как все, – сказал Франсуа.

По этой паузе я понял, что он хотел подобрать словечко поострее, но вовремя одумался.

– Франс, милый, есть «не такие, как все», а Этьен закупился богомерзкими бесами и заполнил ими весь подвал! – голос отца будто бы ожил.

– Ну, – протянул Франсуа, – я все еще считаю, что кузен не изменяет себе. Он всегда был любопытным ребенком, как и его пристрастия... Вы же помните, как он в свое время увлекался алхимией?

– Боже... – протянул отец, и я был готов держать пари, что он закатил глаза и осенил себя крестным знамением.

– Боюсь, ты хочешь верить, что Алжир изменил его, – продолжил Франсуа. – Но давай смотреть правде в глаза.

– Когда речь заходит об Этьене, делать это крайне сложно, – пробормотал отец.

– Ты говорил с ним о случившемся? – спросил кузен.

Я услышал лишь тяжелый вздох.

– Ясно... – с усмешкой произнес Франсуа. – Поговорю с ним.

– О чем же? – произнес я, сделав вид, что лишь сейчас забрел к ним.

– О гостях из Алжира, которых ты запер в подвале накануне, – произнес Франсуа, выйдя мне навстречу.

– Гостях? – Я удивленно повел бровью, когда мы поцеловались с кузеном в щеки. – Нет-нет, они не гости. В том смысле, что они останутся тут с нами жить.

– Если не пожрут друг друга, – пожав плечами, произнес отец.

– Не пожрут, – уверенно заявил я. – Они рассажены по разным клеткам, а цепи на шеях обеспечивают полный контроль над их положением.

– А я даже не догадывался, зачем тебе понадобились трактаты об инженерии из нашей библиотеки. Даже успел порадоваться, – со слабой улыбкой произнес папа.

– Ох, дядя, для тебя новость, что Этьен что-то замышляет там? – усмехнулся Франсуа, потрепав меня по голове, а я, отстранившись, с игривой улыбкой клацнул зубами воздух.

– Понабрался у своих шакалов? – вздохнул отец, подпирая голову рукой.

– Гиен, – важно поправил я, развалившись на диване.

И отец, и Франсуа добродушно усмехнулись и переглянулись меж собой. Я же скрестил руки на груди и слегка поджал губы, что сделать было, к слову, не так уж и легко, учитывая, как меня разбирал смех.

– И все же, мой милый братец, – протянул Франсуа, – я не понимаю тебя.

Я бросил на кузена вопросительный взгляд и развел руками, предлагая открыто и прямо задавать любые вопросы.

– Помнится, ты же с раннего детства зачитывался этими жуткими книжками из мрачных веков, любовно разглядывая жутких чудовищ, – размышлял вслух кузен, и мои губы сами собой разошлись в довольной улыбке.

– Все так, кузен, – согласно кивнул я.

– И при всей этой страсти к чудовищному и безобразному ты отказался ехать со мной и дядей в гости к господам де Боше, – Франсуа всплеснул руками.

Я рассмеялся, помня, разумеется, какие же страхолюдские дочери у месье де Боше, и мне стало несколько досадно, что сам так и не нашел возможности сосрить на этот счет.

Отец тоже широко улыбнулся, хоть и бросил короткий взгляд с осторожной укоризной в сторону Франсуа.

– Нет, в самом деле, почему именно гиены? – спросил папа, и кузен участливо взглянул на меня.

Я пожал плечами и, лениво потянувшись, зевнул.

– А почему бы и нет?

* * *

Ближе к полудню мы с папой проводили кузена и какое-то время еще стояли на крыльце, глядя на уходящую вдаль карету.

Стояла приятная весна, когда нежное предвестие скорого цветения робко шепчется среди лесов, а молодая трава еще не пестрит сочными лугами, а лишь набирается сил, чтобы выдержать свой пышный летний наряд.

Я глубоко вздохнул, желая наполнить легкие этим трепетным замиранием, охватившим все небо, весь воздух, все прилегающие леса и сады подле замка.

Мы с отцом стояли, разделяя это волшебное оцепенение, и вскоре настало время вернуться в замок. Я скорее направился в подвал, к моим удивительным питомцам с маленькими черными глазами-бусинами.

Наступила светлая полоса моей жизни.

Я приходил каждый день в подвалы, чтобы самому нутром почуять здешний воздух.

Не мог я полагаться и на доклады слуг – эти безграмотные крестьяне дай бог скажут, не сдохли ли там, часом, звери, но не более. Я мог рассчитывать лишь на себя и на собственную наблюдательность.

Так прошло уже чуть больше месяца, и наступила середина апреля, я постепенно знакомился со своими питомцами. Поначалу они встречали меня злобно – рычали и натягивали цепи.

Я решил связать в животном разуме появление в подвалах меня и еду. Не будучи еще настолько безрассудным, чтобы кормить диких зверей с руки, я попросту присутствовал, говорил с ними, чтобы они постепенно привыкали к моему голосу.

За ту весну 1752 года мне похвастаться было решительно нечем. Стыдливость и гордость не позволяют мне лишний раз перечислять все тщетные попытки заставить питомцев хотя бы поднять на меня взгляд этих крохотных диких глаз.

Зверь есть зверь.

* * *

– Не спи.

Когда чья-то рука опустилась на мое плечо, я резко вздрогнул и принялся судорожно оглядываться по сторонам.

– А, это ты, – спросонья пробормотал я, проводя рукой по лицу.

– Как ты можешь спать здесь? – удивился отец, оглядываясь по сторонам.

Конечно, любого непосвященного человека могла смутить камера, которую я приспособил для себя. Я пожал плечами, искренне и, как мне кажется, вполне справедливо сочтя эту комнату если не комфортной, то вполне себе уютной для жизни.

Тяжелая решетчатая дверь не закрывалась вовсе. В углу стоял массивный грубый стол, приволоченный сюда – как сейчас помню! – с жутким скрежетом об пол. До сих пор от одногоединственного воспоминания о нем меня пробирает дрожь.

Кровать была, пожалуй, в самом деле жутковатая. В подвале она, очевидно, оказалась из-за кривизны и общей дряхлости. Однако ее застелили мягкой периной, и я велел переменить

на жесткий матрац, иначе бы приступы провалов сквозь кровать, сквозь землю, сквозь этот мир были бы неминуемы.

Свежие простыни пахли лавандовой водой, которую, по крайней мере, мои богобоязненные предки считали средством исцеления от ран не только телесных, но и душевных.

Таким образом, мне не приходилось жаловаться, когда я тут проводил свои ночи. Именно здесь, в стенах мрачного подземелья, я смог обрести покой. Мой разум отдыхал, находя успокоение в глубоком безмятежном сне.

Но я понимаю, с чем был связан вопрос моего отца – как мне вообще удастся тут сомкнуть глаза?

Спал я все равно не на кровати, а как раз за столом, укутавшись теплым шерстяным пледом.

Протирая глаза, я потянулся и размял шею.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Пойдем наверх? Я ничего не слышу из-за этого адского лая, – предложил отец, и до меня только сейчас дошло, что не все могут спать под шум, вроде воплей диких гиен.

Сперва я попросту не понял смысла в словах своего дорогого родителя, ибо мне ничуть не мешал тот галдеж, который поднимали южные хищники.

Прежде чем подняться наверх, я должен был удостовериться, что мои питомцы в безопасности, имеют доступ к чистой воде, не ранили ни себя, ни друг друга, ведь я уже предпринимал попытку случки.

– Этьен? – окликнул меня отец, уже стоя одной ногой на ступени лестницы.

Я не сразу отмер от своих наблюдений. Бремя ответственности сильно давило на меня, как четкое понимание того, что все в замке попросту мирятся с пребыванием здесь экзотических животных, и никто, ни единая душа не разделяет моего восторга относительно них.

Мои глаза, уже обостривши свое восприятие в подвальном полумраке, пристально вглядывались, выискивая, нет ли на зверях проплешин, выданных в склоке с сородичем. Более того, мне не раз и не два приходилось слышать рассказы о том, как звери, сломленные невольной жизнью, сами вырывали на себе шерсть.

И пока мой взор был сосредоточен по ту сторону тяжелых кованых прутьев, я вновь услышал свое имя.

– Этьен! – встревоженно воззвал отец.

– Да-да, иду, – произнес я, насили оторвав свое внимание от клеток.

Поднимаясь по ступеням, я пару раз оглянулся через плечо, и, потирая свой затылок, наконец был готов внять разъяснениям отца.

– Так что случилось? – спросил я.

– Не хотел тебя отвлекать от твоих... – папа прищелкнул в воздухе рукой, пытаясь припомнить слово.

– Гиен, – любезно напомнил я.

– Именно, – согласно кивнул отец. – И их у тебя две породы – с севера, с юга, ведь так?

Я удивленно вскинул брови, заглядывая на отца, тронутый вниманием к своим словам. Как бы граф Готье ни старался сохранить холодную маску на лице, его губы нет-нет, да и расплывались в мягкой улыбке.

– Ты мне нужен. Надо ответить на несколько писем. И нет, – от родительского взгляда не ускользнуло, с каким недовольством я закатил глаза. – Сын, уйми ненадолго свои капризы, прошу тебя! Ты откладывал это настолько долго, что люди уже спрашивают, не отдал ли ты свою душу Господу.

Я уже хотел ответить: «Так отвечай, что я отдал ее Дьяволу», как вдруг меня подвело мое собственное тело. Что-то резко ударило в нос, и я громко чихнул. В груди стукнуло что-то изнутри, со всей дури врезавшись о ребра, и я едва успел прикрыть рот рукой.

Разогнувшись, я встретился с настороженным взглядом отца.

– Тебе стоит согреться, – произнес отец, протягивая белый платок.

– Благодарю, но мне не холодно, – ответил я, утерев нос.

– Тебе напомнить, как много людей из нашей родословной умерли от холодов? – спросил отец.

– Мне на ум приходит намного больше случаев отравлений. Ну, и конечно же, мое любимое – смерть, безусловно, насильственная, а убийца так и не был найден, – протянул я, вероятно, более мечтательно, нежели стоило.

– А еще детоубийство, – добавил отец.

– Ну, это ты совсем далеко взял, что за темные века? – усмехнулся я и все же окликнул мимо проходящую служанку и распорядился, чтобы мне приготовили горячую ванну.

* * *

Я думал, я обрел покой.

Меня перестали мучить пробуждения. Вопреки расхожему недугу в нашем роду, а именно – зловещие сны, что пророчат беду. Каждый раз я как будто пробивался сквозь стеклянный купол в порыве сделать первый глоток воздуха, находясь на грани губительного удушья.

Я стал менее придирчив к шуму.

Проводя время в зверинце, я слышал нескончаемый галдеж и лай. Под этот оглушающий крик мне приходилось проводить свои наблюдения за питомцами. Признаться, справлялся я плохо, особенно поначалу.

Однажды я до позорного поздно заметил старую, уже запекшуюся рану на задней лапе одного из питомцев. Меня сковал ужас, хоть ранение было легкой ссадиной.

Меня шокировало не столько это, а моя преступная невнимательность. Если бы попала зараза и пошло бы воспаление, я был бы уже бессилён и ничем бы не помог несчастному созданию.

Одни только мысли о том, каким страданиям могут подвергнуться мои звери по моей вине, заставляли меня проявить такую четкость действий и строгость планирования, которую я отродясь не проявлял, попросту за ненадобностью.

Животные обходились мне дорого. Настолько дорого, что мне даже пришлось вести счет своим деньгам, что стало для меня в новинку. Я изучил собственные расходы с целью выявить, от чего я смело могу отказаться, и был приятно удивлен.

Я не стал углубляться в статьи своих доходов – они есть, и это славно! Намного больше меня волновали ощутимые траты, о которых я раньше попросту не задумывался.

Оказалось, что за мною числятся несколько вилл в Италии и Португалии, а также небольшое имение на юге Франции. Их содержание обходилось мне во внушительную сумму, а я так ни разу и не бывал в тех краях. Сейчас я вспоминал обрывками, что, скорее всего, то ли отец, то ли кузен, то ли они вдвоем на пару, непременно звали меня развеяться.

Я уже не помню, по какой причине я отказывал своим прелестным родственникам, но решил, раз я каждый раз находил повод, значит он достаточно весомый, чтобы распрощаться с этими убыточными владениями.

Отец был в замешательстве, еще когда я только-только приобщался к экономическому вопросу нашей семьи, так вопрос о продаже земель вовсе вверг его в шоковое состояние.

Не буду вспоминать дословно наши споры, а лишь подведу итог наших пререканий.

Земли – все, кроме небольшого участка охотничьих угодий с шале, – остались в семье, но теперь обременяли не мой карман, а карман моего кузена, который охотно выкупил эти владения.

Получив определенный контроль над ситуацией, мне стало намного спокойней, и я мог посвятить себя своим питомцам.

В самом деле, мне казалось, я впервые за многие годы обрел покой.

Возможно, даже так оно и было, до того самого рокового дня. Сейчас, оглядываясь назад, я отчетливо вижу преломление своей истории именно в этот день.

Стоял теплый, но пасмурный день. Поздняя весна.

Но, впрочем, меня ничуть не заботила та погода, вне стен моего каменного подвала.

Накануне я заметил однозначную перемену в поведении гиен. Они стихали. Мало-помалу, их рёволай, вызванный, вероятно, большим нервным возбуждением, постепенно сходил на нет.

Прошлую ночь я с трудом заснул, и всему виной было как раз отсутствие привычного уровня шума.

Одно я знал точно – мы движемся к переменам, но к каким, мне не было ведомо тогда, неведомо и сейчас.

Я принял решение. День настал.

Я был готов рискнуть и проиграть, но я не ведал, что тогда стояло на кону.

Стражники, которых я определил для работы именно здесь, в мрачном зверинце, словно несли свой караул, когда проходили мимо камеры.

Я был уверен, что день настал.

Стоило мне попросить ключ от клетки, мужчины хмуρο свели брови.

«Конечно! – мысленно усмехался я сам себе. – Еще бы кто-то разделял мой замысел!»

– Ваша светлость, при всем уважении и почтении, не посмею, – наотрез отказал мне один из стражников.

Я скрестил руки на груди и недовольно поджал губы. Меня перестала забавлять эта непокорность.

И все же я не имел никакого намерения безо всякой на то причины унижать никого на своей службе, будь то благородный месье или чернь, подобно тому безграмотному мужлану, что стоял сейчас между мной и моим зверинцем.

Наплевав на собственное происхождение и вообще на текущий порядок дел, я пустился в объяснение, имея снисхождение к этому недалекому человеку.

– Они на привязи, – и жестом указал на собственную шею.

Я не был удивлен, что чернь передо мной вовсе не имела понятия ни о каких приличиях и попросту была не в состоянии оценить тот жест, который я проявил, вообще вступая в пререкания.

Вместо того чтобы честно нести свою службу, стражник продолжал упорствовать в преступном, по сути дела, противлении моей воле.

– Зверь есть зверь! – продолжал он. – Я не пушу вас туда.

– Граф, мы просим вас, мы взываем к вашему благоразумию! – взмолился второй стражник.

Мой взгляд медленно перемещался с одного мужика на другого. Мысленно я давал им шанс на искупление, но будучи искренним с самим собой, я точно знал, что эти твердолобые ублюдки попросту не ведают, что творят.

– Я жду, месье, – твердо произнес я, заглядывая стражнику в глаза.

Моего милосердия никак не хватало, чтобы смириться с неповиновением.

– Граф, мы... – пробормотал один из них, и даже звук этого тупого голоса окончательно вывел меня из себя. Я достал пистолет из-за пояса и наставил на здоровяка.

– Открыли, – приказал я. – Живо.

Конечно, что есть моя воля против наставленной железки, добротной заправленной сухим порохом?

Вся статья и упрямство стражника отошли на задний план, и он вместе со своим туповатым прихвостнем боязливо попятился назад, протягивая мне связку ключей.

Стражники продолжали глядеть на меня и, наверное, все еще старались разуверить меня в своем начинании, но все было тщетно. Я попросту их не слышал. Я ничего не слышал.

Сжимая в кулаке холодный металл ключей, наконец решился.

Сам скрежет уже привлек внимание гиены, и на меня уставились черные глаза. Эти же самые неживые черные глаза-бусины, что глядели на меня на проклятом скалистом утесе.

Отворив дверь, я встал на пороге, в твердой уверенности, что я вправе главенствовать над самим адом, если придется. Моим огорчающим открытием было то, что непосредственно тварь преисподней не была солидарна со мной.

Я не спешил делать резких движений. Едва ли я бы сам признал вожака в каком-то суетливом шупленьком создании, которым я, вероятно, и виделся гиене.

Зверюга нюхала воздух, и ноздри ее влажного черного носа активно раздувались, пока я стоял на пороге. Угадать настрой дикой твари было тяжело, но ясно одно – спешить сейчас нельзя.

Я выждал еще несколько мгновений, может, больше – охватившее меня волнение исказило чувство времени. Медленно протянул руку вперед, как поступал всякий раз, видя охотничью собаку.

Гиена продолжала осторожно принохиваться. Мои опасения стихли в тот момент, когда животное сделало несколько робких шагов назад, отступая от меня.

– Тихо, – приказал я, хотя и без того слуги не проронили ни слова, храня замороженное молчание.

Я оказался один на один со своим зверем. Я испытал до этого неведомый страх и трепет, чувствуя, что я стою на острие.

Наконец-то мне хватило смелости переступить порог, и весь оставшийся вечер я расплачивался за собственную амбициозность.

Оказывается, когда гиена попятилась назад, это был вовсе не испуг, а лишь приготовление к броску. Я не успел ничего сделать, когда зверь вцепился мне в плечо и повалил наземь, прибив когтистой лапой.

Оглушительная боль и обильная кровопотеря смутила мой разум, и я лишился сознания.

* * *

Я еще не знал, что случилось, когда какой-то глубинный приступ из самых недр моего разума заставил меня прийти в себя.

Тяжесть во всем теле пробудилась прежде меня самого. Подранное левое плечо было туго перебинтовано.

Сквозь мутную пелену я пробирался в чудовищную реальность. Сначала я обрадовался, что хоть что-то чувствую, ведь это верный признак того, что я уже жив.

Однако я имел неосторожность пошевелить левой рукой, и, Боже милосердный, я бы в самом деле предпочел бы быть уже мертвым.

Настолько резкая, всепоглощающая боль завладела мной, что я не мог сдержать надрывного крика.

Всего меня повело, в руке разливалось адское пламя преисподней.

– Ваша светлость, вы пришли в себя! – слышал я сквозь собственный крик.

Меня осторожно придерживали две сиделки. Обе женщины что-то бормотали себе под нос, отирая мне виски холодной водой.

Та, что была помоложе, спешно оправила свое платье и выбежала вон, отдав короткий спешный поклон.

Я приходил в себя, глядя в каменный потолок, восстанавливая задремавшую память.

Когда на пороге появились отец и Франсуа, я не сразу поверил своим глазам. Вполне возможно, я впал в приступ безумия, ибо все признаки лихорадки были налицо. Меня знобило и жгло одновременно, внутри все крутило от голода, но любая мысль о еде вызывала еще больший приступ тошноты.

– Слава богу, Этьен... – хрипло пробормотал отец, бросившись к кровати.

Я уже взвел руку, насколько это было мне посилено, чтобы обнять с отцом, но сиделка упредила наши объятия, придержав отца чуть выше локтя.

– Ваша светлость, вы причините ему боль, – произнесла служанка, и почему-то ее слова полоснули мне по сердцу.

Моя правая, полностью уцелевшая рука поднялась сама собой, и папа взял ее, крепко сжимая своей холодной от пота ладонью. Я сглотнул, продолжая смотреть на отца, и он также боялся отвести взгляд, если не больше.

Франсуа, который стоял все это время чуть поодаль, приблизился ко мне и осторожно положил мне руку на плечо.

«Что-то не так...» – отчетливо пронеслось в моей голове от этого прикосновения, но решил не поддаваться той тревоге, что впивалась холодными когтями в мое сердце.

Я сглотнул ком в горле.

– Надо перестроить... – пробормотал я, ужаснувшись слабости собственного голоса.

– Этьен, – произнес Франсуа слишком быстро, точно у него давно было что-то на сердце, но я замотал головой.

Даже это движение оказалось слишком резким – малокровие удручало мое состояние, и я боролся с новым приступом дурноты.

– Надо по-другому, иначе повторится, – язык едва-едва ворочался.

Моя слабость не оставляла мне иного выбора, как тупо и упрямо гнуть свою линию.

– Не повторится, – произнес отец, сжимая крепче мою руку.

Сведя брови, я посмотрел на отца, затем на кузена.

«Что-то не так», – жуткий приговор четко прозвучал в моей голове.

Я еще мог обманывать себя, как будто бы я не знаю, в чем дело.

Они оба молчали. Не хотели говорить.

Подбородок нервно дрогнул. Мне стало невыносимо больно. Поэты говорят о разбитом сердце, но я не нахожу никаких слов, чтобы выразить тот роковой миг. Мой мир исчез, он был отнят, разрушен, и я хотел уйти вместе с ним.

Сердце неистово колотилось, не приберегая никаких сил на потом, ведь никаких «потом» уже быть не могло.

– Что? – Я не уверен, что это тихое слово в самом деле сорвалось с моих уст.

Я вырвал свою руку и встал с кровати, и чуть не повалился с ног, и все трое разом бросились меня придерживать.

Я не помню, как мое ослабевшее тело вывело меня из комнаты.

Спускаясь по холодной лестнице босыми ногами, я не боялся оступиться, я боялся именно завершить спуск, ведь знал, что меня ждет там, в подвале.

Не успев свыкнуться с правдой, я по старой привычке ожидал услышать лай, рычания и клацанье клыков своих питомцев.

Меня встретила могильная гробовая тишина. В холодном сыром воздухе еще стоял запах зверинца.

Оказавшись перед пустыми клетками, открытыми настежь, я упал на колени.

– Где они?.. – спрашивал я, и ужасающая правдивость разворачивалась прямо передо мной.

Теперь эти своды стихли. Крик встал у меня в горле, и я склонился, обхватывая себя поперек. Жалкие стенания не могли ничего изменить. Мои зрачки сузились от ужаса, когда считал на каменном полу старые следы черной крови. Меня затрясло от ужаса, зубы стучали, как от лютой стужи. На лестнице послышались шаги, но я не обернулся. Даже если бы я хотел, я не смог бы этого сделать. Лихорадка продолжала колотить меня изнутри, сжирая мой разум без остатка. Все заняла пронзительная агония.

– Зверь есть зверь, Этьен, – раздался тихий голос кузена.

Я кивал головой не в состоянии мириться с жестокостью, обращенную против меня людьми, которые были мне семьей по крови и праву.

– Кто спустил курок? – хрипло спросил я.

– Я, – ответил кузен.

Я склонил голову, уткнувшись кулаком в переносицу, и до боли закусил нижнюю губу.

– Это были мои звери, – моляще, глухо и убого прошептал я.

– Они могли убить тебя, – произнес Франсуа.

– У тебя не было права на них, ублюдок! – огрызнулся я и тотчас же злобно усмехнулся.

Оглушительная боль затмевала мой разум, мне было плевать на все, на любую осторожность. Пусть как хочет, так и понимает мои слова. Кузен оторопел, не произнося ни слова. Я продолжал пялиться в пустые клетки, надеясь, что все это бредовый сон, что моя семья попросту не могла так со мной поступить, они не могли забрать мое единственное спасение.

– Если тебе хватит милосердия простить нас с дядей... – проговорил кузен, но остановился, едва я обернулся на него.

– Милосердия? – переспросил я, хотя мой голос едва слышно хрипел, не будучи подвластным мне.

– Этьен... – тихо произнес Франсуа и хотел приблизиться ко мне, но я упредил его одним только взглядом.

Если до этого мгновения я находился на грани помешательства, то сейчас я перешел Рубикон.

* * *

Дверь со скрипом приоткрылась, нарушив мое целительное уединение. Внутри все жалось, но я не хотел подавать виду. Я попытался расслабить руку, иначе бы перо попросту треснуло бы в моей руке. Меня заранее предупредили о визите отца, но я не стал отрываться от письма и не удостоил его даже взглядом.

До моего слуха донесся тяжелый вздох, и высокая фигура графа приблизилась к моему столу. Повисшая пауза натолкнула на мысль, что прямо сейчас Оноре – мне, правда, сложно сейчас называть этого человека своим отцом, – смотрит на поднос с обедом, к которому я так и не притронулся.

– Этьен, пожалуйста, посмотри на меня, – раздался тихий голос.

Я глубоко выдохнул и вытер кончик пера. Откинувшись назад в глубоком кресле, уставился на гостя как на чужого. Слова подобраны скверно, ибо в тот миг предо мной стоял в самом деле чужой человек. Я никогда не думал, что мое сердце будет способно так рьяно ненавидеть кого-то. Меня ужасала та злость, которая inferнально овладевала мной, и еще больше пугало то, что у меня не было ни малейшего желания бороться с этим.

– Не вини меня в том, что я убил тварь, которая посмела напасть на моего единственного сына, – произнес он.

Я пожал плечами, невесело усмехнувшись себе под нос.

– Тогда и вы меня ни в чем не вините, граф, – бросил я, особенно подчеркнув обращение.

– Тебе надо есть. – Оноре опустил взгляд на поднос.

Поджав губы, я посмотрел вниз и помотал головой. Мне стало тяжело дышать, как часто бывало в моменты мучительных пробуждений от кошмара. Моя рука оперлась о стол, иначе бы я попросту грохнулся на пол. Сердце трепыхалось болезненно и неровно, точно птица с поломанным крылом, что силится взлететь, но тем лишь больше ранится.

Пришлось ждать, ждать и надеяться, что этот кошмар растает, пока рассудок с холодной жестокостью твердил, что видения никуда не исчезнут, ибо сейчас наяву. Я взялся за ручку подноса и продолжил идти, будто бы ничего не случилось.

Будто бы посуда с грохотом не рухнула на пол, и будто бы немецкий фарфор не разбился в белые черепки, и будто бы осколки не торчали своими кривыми зубьями кверху, точно пики, затаившиеся в волчьей яме. Все еще держа поднос в руке, я вышел в коридор и, насвистывая, со всей дури швырнул его в стену. Металл погнулся от удара, а гулкий звон разнесся злобным пением по коридорам всего замка.

* * *

Наступило удушливое горячее лето. Травы и луга не успевали ожить, обжигаясь сухими жаркими ветрами. Цветы не успевали передать свой сочившийся нектар и угасали на глазах, смиренные аномальной жарой.

Сидя под тенью деревянной беседки, я бесцельно пялился перед собой, глядя на наш сад, увядающий раньше срока. Рядом со мной лежала книга, которая живейшим образом волновала меня, но сейчас мой разум сделался мутным болотом, а сердце было разбито, и посему месье Рене Декарт пока что откладывался до лучших времен, до той поры, когда оглушительное горе вымотается настолько, что я вырвусь из его пасти.

Я дышал пустым, как будто бы горным воздухом. К вечеру у меня из носа пошла черная кровь. Будучи один в своей спальне, я не придавал этому никакого значения, ибо такая заурядная нелепость, как перепачканная кровью сорочка была ничто по сравнению с той утратой, которая тоскливо скоблила мне сердце.

* * *

Я встретил рассвет на балконе. С тех пор как моих питомцев не стало, я не мог нормально спать. Как я уже говорил, бессонница – наше родовое проклятье. Но, видимо, на мне этот недуг решил с лихвой отыгаться, представ поистине в извращенной форме.

Это не была бессонница в привычном понимании. Я легко мог уснуть сидя, стоя, как угодно. Мне пару раз вменяли сон с открытыми глазами, но я все же больше чем уверен, это люди неверно трактовали приступы моей задумчивости, когда разговор наталкивает меня на какие-то мысли, уводящие далеко-далеко, я продолжаю беседу одним лишь своим физическим присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.